

А. Гайстер. Расслоение советской деревни. Вступительная статья Л. Н. Крицмана. Изд. Комм. академии, 1928 г., стр. 140. Цена 1 р. 75 коп.

Проблема расслоения является политически чрезвычайно актуальной и требует к себе пристального внимания. На последнее, пожалуй, пожаловаться нельзя. Мы имеем целый ворох литературных материалов, посвященных расслоению. Тем не менее, потребность в материалах по расслоению возрастает. Причина такого обстоятельства кроется в том, что мы имеем до сих пор настолько суррогатный материал, что серьезный экономико-политический анализ проблемы наталкивается на непреодолимое препятствие. Расслоение это — вопрос об образовании классов в деревне, между тем, в обильных материалах, имеющихся у нас, есть все, что угодно, кроме классов. Группировка по ним заменяется группировкой крестьянства по признакам экономической мощности (посевность, лошадность, доход и т. д.), что, конечно, не выявляет социальных различий. Таким образом, изучение классовых образований заменяется гаданием на тему, со сколькими десятинами посева или со сколькими лошадьми хозяйства можно отнести к середняцким, кулацким и т. д., занятие мало производительное и допускающее самые грубейшие искажения, порой явно тенденциозные.¹ Характерно то, что осторожные авторы, публикуя материалы о расслоении, предпосылают им такую массу оговорок, которые буквально сводят на-нет самый анализ материалов.

Происходят эти зловключения вследствие отсутствия разработанной методологии классовой группировки деревни и отсталости нашей статистики, не освободившейся до сих пор от старых наслоений. Это обстоятельство очень ярко выявлено в вводной статье тов. Крицмана к рецензируемой работе. Даже лучшие в данный момент статистические материалы — крестьянские бюджеты (лучшие в силу своей детальности, затрудняющей искажения и позволяющей взаимопроверку сведений в силу добровольности отбора хозяйств), носят на себе тяжелое бремя архаичности экономических понятий, которыми пользуется с.-х. статистика и системы отбора, приводящей к недостаточной репрезентативности бюджетов. Различные группы крестьянства занимаются, помимо сельского хозяйства, в других отраслях хозяйства или же работают не в собственном сельском хозяйстве. С точки зрения общественного разделения труда это — такое же основное занятие, как и свое сельское хозяйство. Статистика же разделяет крестьянские занятия на сельскохозяйственные и „промысла“. „Промышленниками“ являются те из крестьян, которые занимаются: 1) не собственным сельским хозяйством, 2) собственным, но не сельским хозяйством, 3) не сельским хозяйством и притом не собственным“. Мы вполне согласны с тов. Крицманом в том, что „в современных условиях деление крестьян на занимающихся собственным сельским хозяйством и „промышленников“ имеет такой же смысл, какой имело бы в современной зоологии деление животных на черных кошек и на, ска-

¹ Достаточно указать на оппозиционные упражнения с массовыми материалами посевной группировки в контр-тезисах по работе в деревне к XV съезду ВКП(б), когда все хозяйства, имеющие свыше 6 дес. посева, огульно зачислялись в кулаки.

жем, „тварей“. Под категорию „тварей“ тогда подошли бы 1) кошки, но только не черные, 2) черные, но не кошки, 3) не кошки и притом не черные“ (стр. XI). Крепостной период глядит на нас из этой статистической классификации.

Аналогичная картина с понятием наемного труда. Наемными рабочими наша статистика считает, на ряду с пролетариями, и хозяев, „нанимающихся“ со своим рабочим скотом и инвентарем в бедняцкие хозяйства, т.-е. в одну группу соединяются противоположные явления. Прав тов. Крицман, когда говорит далее, что „вся русская статистика, по существу дела, интересовалась только „средним“ крестьянином, т.-е. крестьянином, независимо от имеющих в среде крестьянства классовых различий, т.-е. крестьянством не как совокупностью формирующихся классов капиталистического общества и выделяющей их мелкобуржуазной массы, а как классом, сословием крепостного общества“ (стр. XIII). Практическим следствием такого понимания крестьянства явилось то, что бюджеты дают преувеличенные данные о среднем крестьянине, ряд групп крестьянства (батраки, кустари, сезонные рабочие в промышленности и на транспорте, владельцы торг.-пром. заведений и крестьяне, нанимающие двух или больше сроков рабочих) совсем не представлены, и все это делает бюджеты не репрезентативными. Такие капитальные недочеты присущи многим материалам с.-х. статистики. „Разрешение статистической проблемы становится предпосылкой экономического и политического анализа“ (стр. III), а это требует не только сил, но и времени.

Тов. Гайстеру пришлось поэтому работать в невероятно тяжелых условиях. Ему не удалось избежать больших и малых условностей, несомненно отрицательно повлиявших на результаты его исследования.

Книга тов. Гайстера, конечно, далека от совершенства и не дает достаточно удовлетворительных материалов о расслоении деревни. Когда впервые данные его работы опубликованы были в „Контрольных цифрах“ Госплана, была сделана оговорка о том, что „мы вынуждены либо закрывать глаза на происходящие в деревне процессы, либо пользоваться суррогатами научного исследования“ (стр. 348) и что работа тов. Гайстера „страдает неизбежными в этой области дефектами“. ¹ Но там же далее указывалось и на то, что работа страдает „дефектами в меньшей степени, чем другие работы“. ² Подчеркивая правильность этого указания, мы должны сказать, что работа тов. Гайстера резко выделяется из ряда всех работ по тому же вопросу и делает попытку перейти от гадания к постановке проблемы по существу.

Работа тов. Гайстера состоит из восьми глав: вступление, итоги аграрной революции, доход крестьянских хозяйств, социально-производственная структура различных групп крестьянских хозяйств, аренда и сдача земли, наем и сдача скота и инвентаря, наем и продажа рабочей силы, соотношение классов и групп в деревне.

Рассматривая процесс расслоения, необходимо, прежде всего, установить, по какой линии идут экономические различия между отдельными группами крестьянства, являющиеся базой для образования антагонистических классовых групп. В наших статистических работах до сих пор монопольное положение занимала разбивка хозяйств на экономические группы по посевной площади. В главе „Итоги аграрной революции“ и последующих главах тов. Гайстер убедительными примерами доказывает всю беспочвенность посевной группировки. Если в дореволюционное время

¹ „Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/28 г.“, стр. 350.

² Там же.

при концентрации земли в крупных хозяйствах она и имела смысл, то для послеоктябрьского периода признак посевности потерял почти всякое значение. Всеобщий передел земли в результате разгрома помещичьих и кулацких хозяйств сравнял высшие и низшие группы крестьянства по землепользованию. Национализация земли исключает возможности резкой дифференциации по размерам посева. Но аграрная революция имела и другое следствие. Одновременно с перераспределением земель шло перераспределение и средств производства; но и „перераспределение скота и инвентаря,—зачем тов. Гайстер,—обещавшее создать базу для подъема образовавшихся мелких хозяйств, шло в условиях гражданской войны, отвлекавшей в армию огромные массы лошадей значительно сократившегося коневодства и тем сокращавшейся абсолютной массы перераспределяемых лошадей“ (стр. 10). „Мертвый инвентарь за годы гражданской войны не только претерпел передел между богатыми и бедняцко-средняцкими слоями. Значительная часть его, использованная за годы войны, выбыла из строя, не будучи своевременно отремонтирована“ (стр. 14). Эти „издержки революции“ не дали возможности снабдить огромные группы хозяйств, получивших землю для производства, необходимыми средствами производства помимо земли“ (стр. 12). Однако, мелкие хозяйства осваивали землю, и при несоответствии между имеющейся землей и средствами производства, после нэпа, в условиях товарных отношений между различными группами крестьянства развиваются противоречия, идущие по линии зависимости хозяйств, не обладающих средствами производства, от имеющих последние в избытке. ¹ Эти же последние при уравнительном землепользовании расширяют свое производство не столько путем увеличения посевной площади, сколько интенсификацией, сдачей скота и инвентаря и т. п. Тов. Гайстер правильно поэтому отказался от посевной группировки и группирует хозяйства по общей стоимости средств производства, развивая на пять групп: мельчайшие со стоимостью средств производства до 200 руб., мелкие — со средствами производства от 201 до 500 руб., средние — со средствами производства от 501 до 800 руб., выше-средние — от 801 до 1.400 руб. и крупные со средствами производства свыше 1.400 руб. В стоимость средств производства входит стоимость всего скота и птицы, стоимость хозяйственных построек, инвентаря и запасов. Дефективность бюджетных данных не позволила разделить запасы на запасы производственного и потребительского значения. С этой погрешностью надо считаться в дальнейшем. Пользуясь такой группировкой, тов. Гайстер разработал 1242 крестьянских бюджета следующих районов: Сев. Кавказ, Украина (степь и лесостепь), Новосибирский округ, Смоленская губ., Тамбовская губ.

Прослеживая доход хозяйства по группам, ² тов. Гайстер констатирует наличие „в хозяйствах различной мощности социально разнородных источников дохода“ ³ (стр. 24). Тогда как у мель-

¹ Тов. Дубровский в отзыве на рецензируемую книгу („Правда“ от 10/II 1928 г.) считает это положение тов. Гайстера ошибочным. Сам же тов. Дубровский, указав на не-правильность положения, говорит, что Октябрьская революция, освободив бедноту от зависимости от кулачества, „не могла целиком уничтожить эту зависимость, последняя частично сохраняется — это бесспорно“, и далее, что „произошло частичное (разрядка наша.— А. П.) наделение скотом и инвентарем бедноты“. Вот при полном переделе земли и частичном снабжении средствами производства и происходит зависимость производителей, о которой говорит тов. Гайстер. Не наша вина, а наша беда, что эту зависимость мы не изжили еще и, конечно, поскольку страна не в силах была дать образовавшейся огромной массе мелких хозяйств средств производства, зависимость, естественно, должна была в той или иной степени развиваться.

² Дефективность статистики заставила пользоваться данными об условно чистом доходе, что является весьма условным статистическим понятием.

³ Курсив наш. А. П.

чайших хозяйств выступает значение заработной платы среди источников дохода, у средних и крупных решающим является доход от своего сельского хозяйства. Вместе с тем, предпринимательство высших групп скаывается в возрастающем значении дохода от сдачи скота и инвентаря, дающем в крупные хозяйства поступления различных размеров... „Средние группы хозяйств характеризуются наименьшим распространением социально-противоречивых отношений“ (стр. 24).

Анализ дохода одновременно выявил и то, что „при различии отдельных источников дохода у всех групп... все они связаны с сельским хозяйством не только работой в этой отрасли народного хозяйства, но и ведением в больших или в меньших размерах своего сельского хозяйства“ (стр. 25). Эти различия делают необходимым разбор способа производства хозяйств и значения концентрации в них средств производства. Этому и посвящена IV глава рецензируемой работы, дающая в основном такие итоги. Мелкие хозяйства, составляющие первую группу, в большей части не имеют рабочего скота и с.-х. машин и орудий, большей частью, имея в то же время посева. Низкий потребительский уровень, не выполняемый продукцией своего сельского хозяйства, заставляет продавать свою рабочую силу. „Это та группа крестьянства, о которой в резолюции II конгресса Коминтерна тов. Ленин писал, что они являются „полупролетариями или парцеллярными крестьянами, т.-е. теми, кто снимает себе средства к жизни частью наемной работой в сельскохозяйственных и промышленных капиталистических предприятиях, частью трудясь на собственном или арендуемом клочке земли, дающем лишь некоторую долю продуктов питания для его семьи“ (стр. 39).

Средние хозяйства имеют основным источником дохода свое сельское хозяйство. Бюджетный анализ среднего хозяйства вполне подтверждает слова Ленина о нем: „Мелкое крестьянство, т.-е. мелкие земледельцы, владеющие на праве собственности или аренды такими небольшими участками земли, что, покрывая потребности своей семьи и своего хозяйства, они не прибегают к найму рабочей силы“ (стр. 44).

Отнесенные к четвертой группе вышесредние хозяйства имеют целый ряд существенных отличий от предыдущей группы. Здесь до половины — двухлошадников, отличающихся значительным количеством с.-х. инвентаря, имеющих усовершенствованный инвентарь. „Это та группа хозяйств, о которых Ленин писал, как о „среднем“ крестьянстве, обращающем в благоприятные годы „известный излишек в капитал“ (стр. 47).

Наконец, крупные хозяйства, составляющие пятую группу. Это хозяйства с явно выраженным предпринимательским лицом. Концентрация больших масс средств производства (почти $\frac{1}{4}$ их стоимости составляет инвентарь), крупная аренда земли, сдача в наем скота и инвентаря, наем рабочих, — вот их характерные черты. „Перед нами хозяйства, выступающие не только в качестве более или менее крупных товаропроизводителей, но и в качестве эксплуататоров как батраков, так и бедняцко-средняцких слоев деревни“ (стр. 52).

Анализ способа производства групп хозяйств различной мощности, таким образом, вскрывает по каким элементам идет социальное перемещение производителей в советской деревне. Это — аренда земли, сдача — наем скота и инвентаря, сдача — наем рабочей силы.

В главах V, VI и VII тов. Гайстером дана обстоятельная качественная характеристика и выяснена распространенность этих явлений.

Выявление тов. Гайстером элементов зависимости мы, однако, считаем недостаточным. Так, например, необходимо было выявить одну старинную форму зависимости — ростовщичество. Насколько оно распространено, сказать а priori трудно, но в нашей деревне такая зависимость существует.

В главе VIII книги тов. Гайстер выявляет соотношение классов и групп в деревне.

Для выяснения соотношения классов, группировка по стоимости средств производства недостаточна, надо определить понятия самих классов, обратиться к группировке хозяйств не по размерам производительных сил, а по характеру производственных отношений. Тов. Гайстер поэтому, правильно отмечая, что „выделение хозяйств одних и тех же размеров еще не означало выделения классово-однородных групп“ (стр. 105), пользуется для определения классовой структуры деревни группировкой хозяйств по социальным типам, взяв такие признаки: наем — продажа рабочей силы, сдача — наем скота и инвентаря и аренда свыше двух десятин земли. Хозяйства разбиваются на следующие пять групп:

А. Пролетарские и полупролетарские хозяйства.

I. Пролетарские хозяйства с продажей рабочей силы свыше 50 дней.

II. Полупролетарские хозяйства с продажей рабочей силы от 20 до 50 дней или наймом скота свыше 20 дней, или инвентаря свыше 10 дней.

Б. Самостоятельные производители (средняки).

III. Средняцкие хозяйства с отпуском рабочих или наймом их до 20 дней, наймом или сдачей скота до 20 дней, инвентаря — до 10 дней.

IV. Хозяйства с элементами предпринимательства — при найме рабочей силы от 20 до 50 дней или сдаче скота свыше 20 дней, или инвентаря свыше 10 дней, аренде пашни свыше 2 дес. или сенокоса свыше 5 дес.

В. Мелко-капиталистические хозяйства.

V. Мелко-капиталистические и полукапиталистические (кулацкие) хозяйства с наймом рабочей силы свыше 50 дней. В определении именно таких признаков тов. Гайстер пользовался „средними величинами, которые получались при разработке материалов по мощности хозяйств“ (стр. 106). Данная группировка, конечно, далека еще от разбивки деревни на классы и поэтому от достижения цели выявления классовой структуры деревни. Сам автор и тов. Крицман в сводной статье отмечают всю условность такой группировки. В частности, бросается в глаза неясность физиономии IV группы. Это — группа самостоятельных производителей, но с предпринимательским уклоном. Получается ни то, ни се. Между тем, при определении классовой физиономии нужна полная ясность в социальной природе хозяйства.

Этот недостаток указывался уже в „Контрольных цифрах“. Там говорилось „о принятом здесь (в работе тов. Гайстера. А. П.) несомненно удобном терминологическом разделении хозяйства на „предпринимательские и мелко-капиталистические“¹.

При низком качестве материалов, затем, вполне могли произойти и ошибки в определении средних величин.

При всех недостатках однако, надо присоединиться к мысли тов. Гайстера о том, что „первое приближение, нащупывающее их (соотношения классовых групп. А. П.), однако, на основе прямых классовых признаков“ (стр. 106) эта группировка дает, что отличает ее выгодно от всех других, до сих пор применявшихся.

¹ „Контрольные цифры“, стр. 350, подстр. примечание.

Пользуясь указанной группировкой, тов. Гайстер определяет соотношение классов и групп в деревне в 4 районах СССР: Украина (степь и лесостепь), Урал, Сев. Кавказ, Новосибирский округ Сибкрая. Для этого тов. Гайстер экстраполировал полученные соотношение по бюджетным материалам на массовые данные динамической переписи крестьянских хозяйств 1925 г. Результаты, полученные тов. Гайстером при этой экстраполяции, неправильно отображают социальную структуру деревни. Экстраполяция вообще один из самых несовершенных статистических приемов, да еще „при недостаточно четких социальных формах крестьянского хозяйства советской деревни“ (стр. 105).

Затем, экстраполяция, если более или менее и надежна, то лишь при сравнительно большом числе имеющихся выборочных данных. Этого у тов. Гайстера тоже не было — он располагал всего 1021 бюджетом. Это — во-первых. Во-вторых, как признает и сам автор, бюджеты дают преувеличенное представление о крестьянских хозяйствах, вследствие чего мы получаем „более высокие показатели, повышающие общий уровень хозяйств, и увеличиваем удельный вес верхних групп“ (стр. 109). Между тем, при экстраполяции, как указывалось в „Контр. цифрах“, „молчаливо допускается, что бюджетные материалы касаются отдельных социальных групп крестьянских хозяйств в той пропорции, в какой эти группы имеются в действительности“.¹

Наконец, районы избранные тов. Гайстером,² — районы наиболее экстенсивного хозяйства, наибольшей товарности, где наиболее высока степень расслоения.

При отмеченном преувеличении удельного веса и значения крупных хозяйств, работа тов. Гайстера все же характеризует облик деревни как середняцкий. Средняк, как центральная фигура деревни вырисовывается довольно ярко. Удельный вес середняцких хозяйств на Украине 56,1%, Сев. Кавказе — 58,6%, Урале — 68% и Новосибирском округе 59,1%. Естественно, что в других районах удельный вес середняка еще выше. Средняк экономически наиболее мощная группа крестьянства: на Украине в его руках 47% с.-х. машин, 49,2% голов рабочего скота, 49,2% посевов, 50,8% всех запасов; на Сев. Кавказе он имеет 34% с.-х. машин, 43,2% скота, 39,8% посевов, 36,9% запасов; на Урале ему принадлежит 38,3% с.-х. машин, 50,8% скота, 43,6% посевов, 46,7% запасов; в Новосибирском округе картина еще более внушительная: у середняка 51,6% с.-х. машин, 56,8% рабочего скота, 54,2% посевов, 55,8% запасов.

Несомненно, что аграрная политика партии и правительства способствует под'ему бедняцких и середняцких групп деревни, ограничивает предпринимательские аппетиты кулачества и задерживает темп расслоения. К недостаткам книги тов. Гайстера надо отнести то, что он не осветил этот вопрос, ограничившись лишь кой-где беглыми замечками.

Мы рекомендуем читателю работу тов. Гайстера, как ценное исследование.

Ал. Попов

¹ „Контрольные цифры“, стр. 352. Там же есть замечание: „С этой оговоркой, подчеркивающей, что используемая нами разработка (тов. Гайстера. А. П.) неизбежно преувеличивает значение крестьянской верхушки, мы приводим соответствующие данные“. Между прочим, тов. Дубровский в своей рецензии, „мимоходом“ касаясь „Контрольных цифр“, почему то умалчивает о тех оговорках, которые предпосланы опубликованию данных тов. Гайстера.

² Мы не говорим здесь о том, что районный разрез при изучении расслоения абсолютно необходим, так как нельзя познать вопрос без учета специфических особенностей сельского хозяйства того или иного района, связей его со всем народным хозяйством района и т. п.

И. Верменичев, А. Гайстер, Г. Раевич. 710 хозяйств Самарской губернии. Издание ЦСУ СССР, 1928 г.

В книге изложены результаты разработки материалов, собранных названными выше товарищами в одной из волостей Самарской губернии. Многосторонность собранного материала, последовательная марксистская обработка его, выделяет эту книгу из множества других, посвященных нашей деревне. Особенно подробные сведения собраны авторами по вопросу о социальных отношениях деревни.

В книге дана следующая характеристика социального состава деревни: хозяйства высшей группы составляют 8,2% (что этот процент отнюдь не преуменьшен, показывает то, что сеющих свыше 16 га в волости 1,5%, даже свыше 10 га только 6%, с 3 и больше головами рабочего скота 5,3%). Пролетарских и полупролетарских хозяйств 10,3%, бедняцких хозяйств 22,4% и середняков 59,3%. Не только число хозяйств высшей группы, но и их удельный вес не столь значителен, как это изображала оппозиция.

Этот ответ о социальном составе деревни тем более ценен, что он дается на основании группировки качественно стоящей безусловно выше всех, до сих пор применявшихся.

Помимо вопроса о социальном составе деревни, в книге дается подробный разбор производственных отношений крестьянских хозяйств. Вскрывается несвязанность наличия наемных рабочих в хозяйстве с фактом отсутствия работников мужчин, делается совершенно правильный, хотя для некоторых, быть может, и неожиданный, вывод о том, что „недостаток работников, понятие весьма относительное, если в высших группах он ведет к росту найма, то в низших группах он часто лишь ускоряет пролетаризацию хозяйств“. Выясняется большое значение поденного найма (при чем для данной губернии он все же меньше, чем для других). Различное социальное значение отпуска хозяйством служащих и производственных рабочих, значение раздельного рассмотрения этих видов отпуска рабочих разобрано тов. Крицманом в его предисловии.

Детальный анализ производственных отношений между крестьянскими хозяйствами позволил авторам нарисовать полную картину отношений на почве сдачи и найма средств производства ставших очень широко распространенным явлением (нанимают скот и инвентарь 80,4% хозяйств, сдают 47,3%).

Авторы вскрывают различное значение этих отношений для различных социальных групп.

Подробно разработаны авторами отношения аренды и сдачи земли. Большой интерес представляет подчеркиваемая авторами „распыленность случаев аренды и сдачи и незначительные размеры пашни, приходящиеся на 1 заключаемую сделку“, так как это характеризует трудности собирания земли, создающиеся для предпринимательских хозяйств в наших условиях. Однако, несмотря на эти трудности более крупная аренда (свыше 2 га) сосредоточивается в высшей группе и носит предпринимательский характер.

По каждому из этих типов отношений дается состав контрагентов, характеристика условий, на которых они совершаются, технико-производственная форма применения в хозяйстве материальных носителей этих отношений (нанятых рабочих, инвентаря, арендованной земли и т. д.).

В волости 16% кооперированных хозяйств, не считая входящих в потребительскую кооперацию. В уезде, в целом, 20%. В степени кооперированности и в постановке работы самой кооперации волость является отсталой. Приводимый авторами материал о кооперации представляет

повтому больший интерес для характеристики начальных этапов кооперирования и отрицательных моментов в работе кооперации.

В волости широко распространены случаи супруги совместного владения инвентарем. Но разбирая их авторы пишут: „Производственная кооперация в ее широко обобществленных формах не представляет непосредственного развития и продолжения тех ее примитивных форм, какие в нашем районе получили очень широкое распространение, а требует также и особых предпосылок для своего развертывания“ (5).

Авторы вскрывают ряд наблюдаемых в волости лжекооперативных форм, нередко вырастающих из всяких родственных и т. п. объединений зажиточного крестьянства. „Семейная кооперация переросла в капиталистическую кооперацию и капиталистическое предпринимательство скрылось под внешней, удобной для данного момента оболочкой „артели“, — пишут авторы по поводу одного наиболее яркого лжеколхоза. Такие „артели“ не только не содействуют действительной коллективизации крестьянских хозяйств, а наоборот, служат „агитационным средством против артельных принципов вообще“.

На процессе коллективизации „сказывается отсутствие примерного колхоза, вследствие чего у крестьянина нет никакого реального представления, как можно поставить хозяйство на коллективных началах“.

В книге переданы настроения крестьян. „Нам повсюду приходилось встречать прекрасное отношение к советской власти“, основной массы крестьянства. Недовольство вызывается не политикой власти в целом, а отдельными, хотя и многочисленными недостатками ее проведения.

Авторами приводится ряд экспертных показаний местных работников об отношениях между группами крестьян.

В книге поставлен ряд интересных статистико-методологических вопросов. Предлагается ряд изменений в традиционных способах собирания материалов. Много нового вносится авторами в их разработку. Особенно важно отметить примененный авторами метод балловой оценки роли отдельных социальных отношений в общем характере хозяйства. Он вызван громадной сложностью последних в пореволюционной деревне и невозможностью характеризовать классовую физиономию как мелко-капиталистического, так и полупролетарского хозяйства, без учета совокупности этих отношений. Этот метод начинает сейчас применяться в ряде мест нашего Союза (Саратов и др.). В число показателей классового характера хозяйств включена аренда земли.

В предисловии Л. Крицмана к книге дан ряд интересных критических замечаний как о методе разработки, так и о самом материале книги.

С удовлетворением можно отметить, что, наконец, ЦСУ издана первая выдержанная марксистская работа по с.-х. статистике.

Алин

„Экономический Бюллетень“ Конъюнктурного института НКФ

№№ 11—12 „Экономического Бюллетеня“ Конъюнктурного института за 1927 год посвящены годовому обзору конъюнктуры народного хозяйства СССР за 1926/27 г. Основной тон всему обзору дается вводной статьей А. Вайнштейна, „Итоги и основные экономические процессы народного хозяйства СССР в 1926/27 хоз. году“. Это подтверждается не только содержанием самой статьи, но и применением к ней редакции бюллетеня, указывающей на то, что „помещенные в номере работы в основном согласованы между собой“ (стр. 1). Отсюда понятно, что изучение и оценку годового обзора, даваемого Конъюнктурным институтом, надо начинать со статьи А. Вайнштейна.

Какую же оценку дает А. Вайнштейн хозяйственному положению Союза за истекший год? По его мнению, наше народное хозяйство приходит „за последние три года почти регулярно к нарушениям равновесия, по временам смягчающимся“... (стр. 13). Основная причина этого постоянного нарушения равновесия заключается, по мнению А. Вайнштейна, „в коллизии между желаемым темпом накопления в обобществленном секторе и желаемым темпом под'ема благосостояния трудящихся города“, при одновременном стремлении к преодолению „лежащих на пути к достижениям этой цели препятствий всеми имеющимися в распоряжении государства средствами экономического и внеэкономического воздействия“ (стр. 13). Такой суровый и отрицательный приговор произносит А. Вайнштейн, подводя итог всем тем усилиям, которые в течение последних лет приложены были партией, правительством и трудящимися для укрепления материальной мощи Советского Союза. Хозяйственные затруднения 1926/27 г. он склонен расценивать не только, как конъюнктурные явления, но и как начало более глубоких отрицательных для всего народного хозяйства последствий. Так, говоря о неполной нагрузке в настоящий момент некоторых электростанций, он расценивает указанное явление, „как форму перекапитализации народного хозяйства“ (стр. 15). Он утверждает, что источником для капитального строительства (стр. 15) и „для поднятия реального благосостояния городского пролетариата (повышение заработной платы, снижение промцен) послужила отчасти эмиссия“ (стр. 13), а это угрожает, по его мнению, в ближайшем будущем реальным уменьшением доходов городского населения, а также снижением капитального строительства. Параллельно он указывает на медленное снижение покупательной силы рубля, приводящее, якобы, к попытке приостановить этот процесс внеэкономическими методами, что должно „в своем логическом развитии привести к методу хозяйствования периода военного коммунизма со всеми его характерными чертам“ (стр. 15). „Следствием этого может явиться падение производительных сил деревни и резкое снижение отчуждаемой части сельскохозяйственных продуктов“ (там же).

Таков ассортимент конъюнктурных пророчеств, который преподносится А. Вайнштейном всеобщему вниманию для того, чтобы в конце концов убедить читателя в необходимости предлагаемого им же „конкретного“ рецепта от всех этих зол: это — „некоторое ослабление темпа роста нашего хозяйства и строительства на ближайшие год—два“ (стр. 15). Совет — не вытекающий, по нашему мнению, из реальной конъюнктуры как внутри Союза, так и за его пределами. Как ослабить темп роста народного хозяйства, когда сам автор признает, что современное „потребление стоит у нас на очень низком уровне“ (стр. 13), когда он же указывает на низкий уровень сельскохозяйственного производства и его товарности (стр. 2 и 4), на развертывание промышленного производства частично за счет „пуска в действие изношенных и устаревших агрегатов и прочего оборудования“ (стр. 8), на наличие безработицы и т. д. Лекарство, предлагаемое А. Вайнштейном, это, конечно, — не путь серьезного врачевания хозяйственных недугов, а наркотическое средство, притупляющее жизненные процессы, ослабляющее внимание и волю к скорейшему под'ему производительных сил, к увеличению благосостояния трудящихся и к укреплению хозяйственной и политической мощи нашего Союза.

Диспропорция между действительностью и отображением ее в статье А. Вайнштейна настолько велика, что неподготовленного читателя она может ввести в серьезное заблуждение о состоянии нашего народного хозяйства. С одной стороны, по Вайнштейну выходит, что в усло-

виях текущего производства у нас нет достаточных ресурсов ни для удовлетворения потребления, ни для расширенного воспроизводства, а с другой стороны, он утверждает, что и то и другое у нас в значительной мере осуществляется за счет эмиссии. На материалистическом языке это означает расходование части оборотного или основного капитала народного хозяйства, отрицание возможности дальнейшего реального роста народного хозяйства вообще, на что и намекает А. Вайнштейн на странице 15 в своих мрачных предсказаниях. Откуда же в таком случае могут взяться ресурсы для „полного насыщения рынка товарами“, да еще на протяжении одного — двух лет, не рекомендуя абсолютно снизить народное потребление? Ответа в тексте на этот вопрос мы у автора статьи не найдем, так как он предпочитает больше пугать читателя угрозой вероятных последствий от принятого на XIV и XV съездах ВКП направления экономической политики и не расшифровывает поподробнее своего конкретного рецепта, как произвести одновременно ослабление темпа народного хозяйства и усилить процессы накопления. Но если попытаться сделать соответствующий вывод из всех завуалированных рассуждений на эту тему А. Вайнштейна, то логически можно было бы прийти к таким выводам: надо понизить относительный уровень заработной платы и уровень потребления рабочих, приостановить развитие обобщественного сектора народного хозяйства и расширить сферу свободного действия частного капитала (см. стр. 7) как внутри страны, так, может быть, и во внешних торговых сношениях (иначе трудно понять, ни с того, ни с сего, вклеенную в текст сентенцию автора о том, что „народный доход нации может быть реально увеличен путем обмена, использующего выгоды международного разделения труда“ — получается впечатление, что он хочет подчеркнуть непригодность для этого существующей формы внешней торговли СССР).

Вот эта невысказанная автором, затаенная скорбь по хозяйственным формам, более близким к частно-капиталистическому, буржуазному строю, тоскливая тяга назад и была причиной, быть может, невольного сгущения красок при оценке как текущего хозяйственного положения Союза, так и перспектив. Отсюда односторонность подбора материала и всего построения оценки конъюнктуры истекшего года. Автор „не заметил“, что его вывод о сокращении оборотного и основного капитала народного хозяйства (при одновременном уклоне к перекапитализации?) опровергается им же самим приводимыми фактами о продолжающемся росте производства и о накоплении значительных амортизированных натуральных запасов в крестьянском хозяйстве при продолжающемся, хотя бы и недостаточном еще росте в стране потребления? Очевидно, дело обстоит совсем не так плохо, как это пытается нарисовать А. Вайнштейн, стремящийся чисто конъюнктурным хозяйственным затруднениям 1926/27 г. придать глубокий органический характер. Что он был неправ, это блестяще доказывается итогами первого полугодия 1927/28 г.: затруднения рассосались в течение нескольких месяцев почти без остатка, мы имеем новый огромный подъем производственных и прочих хозяйственных процессов и выходим ко второму полугодю с организационно более крепким и более широко развертывающимся охватом народного хозяйства обобщественным плановым сектором.

Автору необходимо было доказать непосильность для народного хозяйства произведенных капитальных работ, и вот с места в карьер, в начале статьи он оглушает читателя сравнением годовых темпов роста капитальных затрат в промышленности и роста ее валовой продукции. В первом случае он демонстрирует превышение данных 1926/27 г. над 1925/26 г. на 22,4% и во втором — на 16,7%, отсюда констатация автора,

что темп роста капитальных работ „превышает и притом значительно“ темп роста продукции. Если мы вычислим прямое отношение капитальных затрат к той же валовой продукции промышленности, то получим для 1925/26 г. коэффициент в 11,3%, а для 1926/27 г. — в 11,9%, или же разницу всего только около полупроцента, т.-е. при существующей степени точности учета совершенно несущественную и, во всяком случае, не дающую права говорить об этом явлении как о чем-то „значительном“. То же и относительно других аналогичных сопоставлений А. Вайнштейна, которому, конечно, известно, что при значительном расхождении базисных величин одно сопоставление рядов их относительной динамики далеко не всегда характеризует действительное изменение непосредственного соотношения их абсолютных величин. Так, А. Вайнштейн указывает в таблице (стр. 1) темп роста общей суммы капитальных вложений в обобщественном секторе (+33%) и темп роста народного дохода (10,3%), т.-е. демонстрирует превышение первым второго в три с лишним раза. Если же взять непосредственное соотношение этих величин, то в 1925/26 г. оно будет равно 11%, а в 1926/27 г. — 13%; иначе говоря, мы отнюдь не имеем еще в этих цифрах какого-либо доказательства непосильности для народного хозяйства произведенных в 1926/27 г. капитальных затрат (что косвенно подтверждается также ростом потребления и отложением в крестьянском хозяйстве крупных натуральных запасов). А ведь А. Вайнштейн и редакция „Бюллетеня“ претендует на „научный анализ“!..

Другое его доказательство в пользу того же положения сводится к констатации „значительного расхождения между уровнем реальной заработной платы и производительностью труда промышленных рабочих в истекшем году“ (стр. 5). Помесячная динамика доли реальной заработной платы в продукции (в % за 1926/27 г.) такова: X—14,5, XI—14,0, XII—13,5, I—13,8, II—14,1, III—14,3, IV—14,6, V—14,9, VI—16,4, VII—18,8, VIII—16,1, IX—14,5. В 1927/28 году она продолжается — постепенное дальнейшее снижение до 13,8% в феврале. Увеличение ее в июне — августе, помимо обычного сезонного подъема в связи с сокращением промышленной выработки (отпуска, ремонты), было, как известно, усилено в 1926/27 году случайным фактором — недостатком некоторых видов сырья (вследствие неурожая подсолнуха, льна и др. причин). Если это чисто конъюнктурное повышение сезонной волны откинуть, то ясно, что под доводами А. Вайнштейна нет никакой реальной почвы. Средне-месячный объем промышленной продукции, приходящейся на одного рабочего, дал прирост за 1926/27 год на 12,5%, а по стоимости — на 10% и т. д.

Вообще, пессимистический уклон А. Вайнштейна не дает ему возможности отметить хотя какое-нибудь светлое пятно на фоне конъюнктуры прошлого года, какое-нибудь достижение, которое он безоговорочно мог бы принять за положительное. Если он иногда относит то или другое явление к положительным моментам (рост промышленной продукции, снижение промцен, рост экспорта, развитие обобщественной торговли и т. д.), то он делает это только формально, так как тут же сопровождает их аргументацией, придающей им противоположный, отрицательный характер. Возьмем конкретный пример. На стр. 10 говорится, что „снижение промцен было действительно осуществлено...“, что нельзя не оценить, как весьма крупный успех“ и т. д. Но тут же он оговаривается, что такое снижение цен должно являться результатом рационализации производственного и распределительного аппарата, у нас же „экономический расчет был заменен твердыми директивами о снижении промцен во что бы то ни стало“ и дальше приводит целый ряд таких аргументов, которые уничтожают вообще, по его мнению, какую бы то ни

было полезность этого мероприятия (снижение качества товаров, товарный голод, зажим частного капитала и т. д.). Достаточно сказать, в приведенной уже нами цитате он договаривается до того, что денежную эмиссию серьезно рассматривает, как источник, использованный для осуществления снижения промцен. Или вот еще другой пример. Не отметить огромного роста промышленного производства нельзя, но ослабить впечатление можно. Отсюда предпосылка: „Общий количественный рост народного хозяйства сопровождался некоторыми отрицательными моментами, ослабляющими положительную оценку достигнутых количественных результатов“... „Результатом этого напряженного развертывания (промышленности) явилось увеличение аварий, несчастных случаев и травматизма... Стабильность себестоимости промизделий или, в лучшем случае, ее понижение на 1—2%, является главной отрицательной характеристикой истекшего года“ и т. д. (стр. 8). В повседневной жизни этот прием часто квалифицируется, как „ложка дегтя в бочку меда“.

Все описанные методологические и логические пороки разбираемой статьи придают всему анализу А. Вайнштейна отмеченную уже нами какую-то предвзятость, нарочитый подбор фактов и общую искусственность и шаткость анализа. Это и неудивительно, так как иначе на базе более объективного изучения реальной конъюнктуры, конечно, нельзя было бы притти к тем выводам, которые сделал А. Вайнштейн. Вообще же надо отметить, что нарушение равновесия в нашем народном хозяйстве объяснять коллизией между темпом капитального строительства в обобщественном секторе и темпом подъема благосостояния трудящихся города, конечно, было бы односторонне и неубедительно. Если брать затруднения первой половины 1927/28 г., то они проистекали, прежде всего, из ряда обычных сезонных моментов, усиленных действием ряда приводящих обстоятельств, какими являются неурожай 1926 г. некоторых сырьевых культур и международная обстановка, вызвавшие, с одной стороны, снижение промышленного производства, а с другой — повышенный (страховой) спрос на рынке со стороны населения в летние месяцы. Повышение номинальной заработной платы (в связи с пересмотром колдоговоров), развертывание капитального строительства и значительное улучшение условий реализации сельскохозяйственной продукции, приведшие к значительному росту покупательной способности деревни и росту крестьянского потребления, являлись во всей их совокупности также в качестве усилителей обычного напряжения рыночной обстановки четвертого и начала первого квартала. Влияние их на народное хозяйство имело значение затруднений конъюнктурного характера, т. е. временных. На рост капитального строительства, требующий напряжения всех ресурсов страны, капиталистические элементы города и деревни отвечали усилением валютного и натурального товарного накопления, сокращением рыночного предложения хлебной продукции, спекуляцией на повышение цен и общей дезорганизацией рынка. В течение четвертого квартала 1926/27 г. и первого квартала 1927/28 г. мы имели организованную атаку на обобщественный сектор со стороны частного капитала, попытку срыва темпа дальнейшего социалистического строительства. Ответный наш удар по частному капиталу во втором квартале имел именно поэтому быстрое восстановление нарушенного равновесия.

Вторая статья, на которой, хотя бы вскользь, необходимо остановиться, это — статья С. Меклера, по характеру своего изложения непосредственно примыкающая к статье А. Вайнштейна. Нового ничего она не дает, развивая несколько более подробно некоторые отдельные положения первого автора и демонстрируя даже чисто внешне свое отрицательное отношение к нашему капитальному строительству и денежному

обращению тем, что о капитальном строительстве и твердом обеспечении денежного обращения в ней говорится не иначе, как в кавычках (стр. 32—33).

Третья статья В. Утца ничем не отличается по содержанию от обычных конъюнктурных обзоров на ту же тему, хотя ряд выдвигаемых им положений по вопросам себестоимости, капитальных работ и финансового положения промышленности является не всегда достаточно обоснованными и соответствующими действительности. Но если даже часть его выводов следует признать недоказанными, то совершенно неожиданными являются для читателя заключительные фразы, мало вытекающие из самого содержания статьи и к тому же неудачно отредактированные. Утц приходит к выводу, что „из водящего фактора оздоровления народного хозяйства она (промышленность) в возросшей степени стала водящим фактором новых осложнений и затруднений“! Этот заключительный аккорд в статье В. Утца, повидимому, скорее имеет своей целью установление того „согласования“ с выводами на ту же тему в руководящей статье А. Вайнштейна, о котором говорит редакция сборника в примечании, указанном уже выше.

С. Киселев

Проф. А. А. Соколов. Основные принципы денежно-кредитной политики. Финанс. Изд. НКФ СССР, стр. 144, М., 1927 г.

„В публикуемой работе автор сделал попытку более точно формулировать и проанализировать важнейшие принципы денежно-кредитной политики, как они вытекают из различных, иногда прямо противоположных, теоретических концепций“ (из предисловия автора).

Разбирая существующие взгляды на кредитно-денежную политику, проф. Соколов считает наиболее правильным решением вопроса политику постоянства общего уровня цен, примыкая, таким образом, к теории Векселя.

Автор устанавливает новое понятие — антидефляция.

Нужно заметить, что целесообразность введения этого нового понятия проф. Соколовым не доказана. Поскольку его интересует постоянство уровня цен, то не понятно зачем нужно выделять в какое-то особое понятие параллельный рост и товарной и денежной масс, поддерживающий это постоянство. Почему тогда не ввести и второго подобного термина — антиинфляция, если имеется параллельное падение этих масс, не отражающееся на уровне цен. Здесь обнаруживается непоследовательность автора. Но главная беда, разумеется в том, что оба эти понятия являются одинаково излишними, они не расширяют нашего знания, ибо параллельные изменения денежной и товарной масс в ту или иную сторону суть *conditio sine qua non* самого понятия постоянства общего уровня цен. Получается игра словами — совершенно бессодержательная.

По мнению проф. Соколова, дефляция всегда заключает в себе большие опасности, она может быть оправдана, как временный процесс, лишь для достижения определенных целей, важных по ряду экономических или политических соображений, как, напр., последняя денежная реформа в Англии. У нас дефляция могла бы иметь целью сближение уровня внутренних цен с мировым уровнем.

Проф. Соколов разбирает интересную проблему — о влиянии денежного фактора на относительные цены товаров. Анализ автора касается изменений относительных цен потребительных благ и капитальных благ, под влиянием расширения или сжатия кредита. Все рассуждения автора, однако, ведутся применительно к изменениям учетного процента. Правда,

автор оговаривается, что выводы его должны сохранять свою силу и в тех случаях, когда расширение или сжатие кредита достигается и плановым руководством кредитными ресурсами.

Но это нисколько не освобождает читателя от вполне законного недоумения, к чему этот окольный путь? Неужели нельзя обойтись без посредства концепций частно-капиталистического хозяйства, утративших свое значение в наших условиях, по признанию самого автора? Каковы же эти выводы, которые сохраняют свое значение и в наших условиях?

В специальной главе дается краткое изложение теории классической эмиссии Бендиксена, которую проф. Соколов считает примером весьма стройного сочетания чисто номиналистической концепции с теорией так называемого „банковского принципа“.

„Формулированные Бендиксеном условия классической эмиссии,—говорит проф. Соколов,—представляют собой нечто фундаментальное. Они должны лежать в основе всякой разумной кредитной политики“. После столь глубокого реверанса, автор сразу же ставит вопрос, выполнимы ли в полной мере те требования, которые выставлены Бендиксеном?

И в результате своего анализа проф. Соколов приходит к выводу, что принципы классической эмиссии, сформулированные Бендиксеном, частью не осуществимы, частью не достаточны.

Недостаточными эти принципы являются потому, что критерии, которые они в себе заключают, носят характер частного, а не народно-хозяйственного порядка. Поэтому, заключает автор, они должны дополняться и корректироваться какими-то другими критериями народнохозяйственного значения. И далее следуют эти дополнения и коррективы проф. Соколова к теории Бендиксена.

Первое недоумение читателя выражается вопросом: в чем же заключается „фундаментальность“ принципов Бендиксена, если они 1) частью неосуществимы и 2) недостаточны без дополнений проф. Соколова.

Во-вторых, не понятно, как можно говорить о недостаточности этих принципов, если автор доказал их неосуществимость. К чему все коррективы автора, в чем ценность его дополнений, если сами принципы практически негодны? Автор выявил так много условий неосуществимости принципов Бендиксена, что его вышеприведенное выражение о „частичной“ неосуществимости их кажется уже ничего незначащей оговоркой. К тому же, что означает частичная неосуществимость какого-либо принципа, как не его практическую негодность вообще.

На ряду с указанными противоречиями в выводах проф. Соколова, мы должны отметить также и некоторые неточности и противоречия в самом его анализе.

Мы считаем неудачным первое же его возражение против первого принципа Бендиксена. Сущность этого возражения заключается в следующем. Первое требование Бендиксена говорит: новые деньги должны выпускаться только против вновь созданных товаров и услуг. Между тем, производство какого-нибудь нового товара еще не служит доказательством увеличения всей товарной массы, если, напр., одновременно произошло резкое, еще большее уменьшение какого-нибудь другого товара. Это может заставить сокращать кредит даже тогда, когда он должен расширяться против новых товаров, согласно первого правила Бендиксена.

Тут автором допущена явная натяжка, и он сам себя достаточно опровергает, когда говорит на стр. 77—78: „Бендиксен совершенно правильно считает необходимым условием классической эмиссии не только исправное погашение ссуд, но и прямое изъятие денег из обращения

в случае уменьшения товарооборота“. Вот именно кредиты, под новые товары будут предоставлены, но денежная масса в целом может в то же время уменьшиться.¹

Неверно поставленным является и второе возражение против первого принципа. Автор исходит из факта, что существует эмиссия твердая (разменные деньги) и эластичная (банкноты и жироные деньги). А поскольку твердая эмиссия находится в руках казначейства и контроль банков над денежным обращением не является полным, постольку принципы классической эмиссии являются недостаточными.

О недостаточности принципов Бендиксена здесь не следовало бы говорить потому, что Бендиксен также выдвигает требование—подчинить выпуск разменных денег таким же нормам, что и эмиссию банкнот, и как банковское покрытие им рекомендуются государственные займы.

Следовательно, здесь уместнее было бы говорить о практической осуществимости этого последнего требования Бендиксена, а не о недостаточности его общих принципов.

Не останавливаясь на спорности некоторых других положений в анализе проф. Соколова (напр., вопрос о кредитовании капитальных благ), мы хотели бы лишь сделать общее замечание по поводу большинства его соображений о неосуществимости принципов Бендиксена.

На наш взгляд, проф. Соколов недостаточно учел замечания самого Фр. Бендиксена по поводу практического применения его теории.

„В результате анализа,—пишет Соколов,—автор пришел к следующим двум основным выводам: во-первых, никаких абсолютных принципов и критериев денежно-кредитной политики не существует; все эти критерии условны и относительны; во-вторых несмотря на условность и относительность критериев денежно-кредитной политики, они при достаточно умелом пользовании ими и при восполнении их наблюдением над хозяйственной конъюнктурой дают все же достаточно твердую основу для регулирования эмиссии и кредита“ (из предисловия автора).

Нам, следовательно, остается разобрать те коррективы и дополнения проф. Соколова к теории Бендиксена, благодаря которым она становится твердой основой для регулирования эмиссии и кредита.

Дополнительными критериями, по мнению автора, являются: во-первых, движение валютного курса и, во-вторых, движение товарного индекса. Однако, первый критерий, по признанию автора, может быть действителен при следующих предпосылках: а) при свободе внешней торговли, б) если все товары являются объектом международного торга и в) при регулировании денежного обращения по курсу на золото. Последнее условие несовместимо с регулированием по товарному индексу.

Товарный индекс должен иметь особенно важное значение в странах с бумажной валютой, которые в то же время находятся в положении изолированных или полуизолированных стран (блокада или монополия внешней торговли). Однако, и значение товарного индекса оказывается условным: 1) невозможно построить абсолютно правильных и точных индексов, 2) если цены подвергаются регулированию со стороны государства, то движение цен уже перестает быть достаточно надежным критерием, 3) товарный индекс сигнализирует опасность только после того, как она уже наступила. Следовательно, заключает проф. Соколов,

¹ Мы считаем неудачным и пример, приводимый автором на стр. 65—увеличение производства ситца и резкое уменьшение с.х. продукции под влиянием неурожая. В своих поисках „абсолютных“ принципов денежно-кредитной политики проф. Соколов, очевидно, считал, что и стихийные народные бедствия, как неурожай, также должны укладываться в рамки этих принципов.

показания товарного индекса нужно дополнять и корректировать наблюдением за состоянием народного хозяйства и конъюнктурой рынка.

Это наблюдение должно касаться: а) динамики продукции, б) оборотов торговли, бирж, грузооборота ж. д., высоты заработной платы и т. д., в) роста и быстроты оборачиваемости банковских депозитов и г) состояния товарных запасов.

Таким образом, проф. Соколов в своих поправках дошел до арифметического определения чуть ли не всех факторов уравнения обмена. Иначе говоря, он предлагает подправить теорию Бендиксена данными формулы Ирв. Фишера, невозможность определения которых в наших условиях он пытается доказать в другой его работе „Скорость обращения денег“.¹

Поправка же на динамику продукции не понятна сама по себе, поскольку динамика продукции достаточно учитывается и теорией Бендиксена.

Последний, напр., прямо говорит: „Государство должно выступать, как создатель новых денег, когда вместе с прогрессом хозяйственной жизни увеличивается производство, и должно озаботиться изъятием денежных знаков при сокращения производства. Эту задачу оно фактически и выполняет“.²

Подправленные таким образом принципы Бендиксена проф. Соколов считает применимыми для регулирования денежной массы и в условиях советской действительности. Что касается распределения кредитных ресурсов, то здесь критерии частно-капиталистического хозяйства („вольная“ цена, „вольный“ учетный процент, рентабельность, кредитоспособность) у нас не применимы, хотя они и не могут быть совершенно отброшены. Эти критерии у нас заменяются планированием кредита.

Нужно заметить, прежде всего, что по столь важному и интересному вопросу, как кредитное планирование, проф. Соколов ограничился повторением избитых в литературе общих мест. Между тем, от теоретика денежного обращения мы вправе были бы ожидать более глубокого подхода к этому вопросу. В частности, мы хотели бы обратить внимание проф. Соколова на то, что наши кредитные планы имеют отношение к денежно-кредитной политике только в той их части, которая имеет связь с эмиссией.

Кстати, мы не можем принять оговорку автора в предисловии, где он говорит, что недостаток места вынуждал его стремиться к максимальной краткости изложения, в результате чего некоторые его положения не нашли в книжке достаточно полного обоснования и развития.

Печать недоработанности и спешности лежит на всей его книжке. Исползованные им 140 страниц распределены по его материалу слишком неравномерно. А максимальную краткость изложения мы считаем мало свойственной для автора. Скучные длинноты чаще наблюдаются в его более простых положениях.

Не выполнил также автор своего обещания о практическом оправдании теории денег, в частности принципов Бендиксена. Теория Маркса проф. Соколовым игнорируется, советский же момент им недостаточно учитывается.

Что же касается многоэтажных надстроек над Бендиксеном, то они привели проф. Соколова к безнадежному эклектизму, не способному быть „твердой основой“ для регулирования эмиссии и кредита ни в буржуазном государстве, ни, тем более, в СССР.

¹ Проф. А. А. Соколов, „Скорость обращения денег и товарные цены“, М., 1925 г., стр. 184—185.

² Фр. Бендиксен, „Деньги“, стр. 32.

Специфичность условий советской действительности требует более прямого подхода к ним, а не кривого преломления категорий частно-капиталистического хозяйства. Окольные пути истолкования советской экономики имеют более узкие пределы.

Последняя глава его книги посвящена критике золотой валюты и вопросу о внутренней и внешней покупательной силе денег.

Мы не касаемся содержания последней главы, считая, что вопросы золотой валюты у нас сейчас не имеют актуального значения.

Д. М. Данюков

Проблема мирового денежного обращения. Сборник статей под ред. Г. Я. Сокольников. Финансовое издательство. М. 1927 г.

Сборник вводит русского читателя в круг актуальных проблем мирового денежного обращения.

Некоторые послевоенные экономисты и преобладающая часть финансовых кругов усматривали в возвращении к довоенной золотой валюте единственно возможный путь денежной реформы. „Существующее положение было, по сравнению с довоенным, так плохо,— говорит по этому поводу Р. А. Леффельдт,— что все стремления средних людей сводились лишь к тому, чтобы вновь обрести под ногами ту твердую почву, которая была раньше“.¹

Противоположная точка зрения талантливо защищалась виднейшим экономистом Кейнсом.² Последний не скупился на едкие слова и патетические восклицания, чтобы рассеять фимиам, воскуряемый веками вокруг золотого тельца, в изображении последнего, как наисовершеннейшего орудия для выполнения роли денег.

В своем „трактате“ Кейнс писал: „В действительности, золото является в настоящее время пережитком варварства... Защитники старой валюты не замечают, как она далека от духа и потребностей нового времени“ (стр. 94). Кейнс выдвигал проект создания так называемой „регулируемой бумажной валюты“, не имеющей своим основанием золота. При этом он довольно резко разоблачал недомыслие всех тех, кто связывал с наличием золотой валюты представление об устойчивости покупательной силы денег.

Английская валютная реформа, осуществленная законом от 28 апреля 1925 г., лишила практической актуальности спор о путях денежной реформы.

Переход Англии к золотой валюте, на ряду с давнишним существованием золотой валюты в Соединенных Штатах, не мог не оказать решающего влияния на путь денежной реформы в других странах капиталистической Европы.

Альтернатива выбора между „бумажной регулируемой валютой“ и возвращением к золотому стандарту отпала. „Поскольку Соединенные Штаты и Англия, — заявил недавно президент Германского рейсхбанка, Шахт, — имеют золотую валюту, то международный характер ее гарантирован“.³

После проведения денежной реформы в решающих странах Запада внимание финансовых теоретиков и практиков сосредоточивается, главным образом, вокруг вопроса об устранении колебаний ценности золота. „Дефекты“ золота, как денег, указанные Кейнсом и другими, хотя и не послужили основанием к отклонению введения золотой валюты, однако,

¹ Статья „Регулирование добычи золота“ в рецензируемом сборнике.

² Кейнс, Трактат о денежной реформе.

³ Стр. 46 рецензируемого сборника, ст. Якушкина.

эти „дефекты“ столь очевидны и чувствительны для мирового хозяйства, что обойти их молчанием не представляется возможным.

Четыре статьи видных экономистов Запада, помещенные в рецензируемом сборнике, и посвящены вопросу об установлении тенденций колебания ценности золота в связи с причинами, обуславливающими их (статьи: Кассель—„Недостаток золота“, Леффельдт — „Регулирование добычи золота“, Бекхауз—„Недостаток золота“ (комментарий к ст. Касселя), И. Китчин—„Золото и экономическое развитие“).

Как можно уже судить по заголовкам этих статей, проблема устойчивой ценности золота поставлена перечисленными авторами в связи с вопросом о достаточности или недостаточности последнего.

Кассель в своей статье выставляет тезис об опасности со стороны растущего недостатка золота, что должно повлечь за собой длительное падение товарных цен и депрессивное состояние мирового хозяйства. Обоснование этого тезиса у Касселя довольно примитивное. Он вычислил что в период с 1850 г. до 1910 г. мировая золотая масса должна была увеличиваться в среднем за год на 2,8%, чтобы соответствовать темпу развития мирового хозяйства. Следовательно, с увеличением золотых запасов должна увеличиваться из года в год и добыча золота. Предполагая, что, примерно, через 15 лет общая золотая масса достигнет 100 млрд. золотых марок (1925 г.—75,5 млрд. марок), Кассель устанавливает требуемую сумму годовой золотой добычи к тому времени в 3 млрд., для обеспечения нормального развития мирового хозяйства. Однако, утверждает он „известные в настоящее время россыпи не могут дать больше половины этой суммы“ (стр. 15). Этим и исчерпывается вся аргументация Касселя.

Подобного рода метод доказательства был охарактеризован даже одним из соратников Касселя, как „поражающий пример недостаточной глубины анализа“.

В самом деле, если даже не касаться порочности теоретических посылок количественной теории, разделяемой автором, согласно которой по выражению Маркса, „пускаются в процесс обращения товары без цены, а золото и серебро без стоимости“, даже в рамках вульгарной экономии, аргументация Касселя поражает своим убожеством. Автор, обосновывая свой прогноз, не утруждает себя ни доказательством предположенного им стабильного уровня цен, ни анализом перспективного соотношения количества золота, идущего для монетарных целей с количеством тезаврируемого в азиатских странах, ни учетом роли возможного изменения скорости обращения денег. Он также не принимает во внимание возрастающей роли кредита и колебания издержек по добыче золота.

Такое же обоснование опасности недостатка золота „по методу Касселя“ мы находим в статье Китчина—„Золото и экономическое развитие“.

Если Кассель предвидит опасность золотого голода в относительно далекой перспективе, то по вычислениям Китчина мировое хозяйство уже вступило в полосу дефицита золота для монетарных целей.

Статья Китчина изобилует последними статистическими данными по вопросу о добыче золота, его запасах, распределении по отдельным странам и между различными функциями. С этой стороны статья представляет известную ценность.

Автор третьей статьи рецензируемого сборника—Джон Бекхауз—критикует как метод доказательства Касселя, так и его выводы. „Проблема золотого запаса,— пишет он,— является исключительно проблемой потери 33¹/₄% меновой ценности золота по сравнению с 1913 г. (стр. 36). Причину падения покупательной силы золота автор усматривает не в избытке золотых запасов, а в войне и в том громадном увеличении налогов и национальных долгов которые повлекла за собой последняя.

Автор наивно верит в спасительный принцип „laissez faire“, благодаря которому покупательная сила золота подымется до уровня 1913 г. Дайте миру мир, и потерянный довоенный рай будет вновь обретен. Таков его символ веры.

Кассель рекомендует: 1) ограничение мирового спроса на золото путем отказа от фактического золотого обращения и путем понижения золотого покрытия центральных банков; 2) осуществление постановления Генуэзской финансовой конференции, рекомендовавшей „в целях сокращения спроса на золото со стороны центральных банков, международную централизацию золотых резервов“ (стр. 16).

Что касается фактического золотого обращения, то, как известно, последнее имеет место помимо Соед. Штатов лишь в двух незначительных странах Зап. Европы—„Голландии и Швейцарии. В остальных же странах,— как правильно формулирует Сокольников,— система золотого обращения уступила место системе золотого обеспечения“.

Гораздо сложнее обстоит с вопросом о необходимости понижения золотого покрытия центральных банков. Это пожелание так же, как и идея международной централизации золотых резервов, основано на полном игнорировании противоположности интересов различных стран в этой области. Идея международной централизации золотых резервов в Нью-Йорке и Лондоне, прежде всего, является плохо замаскированным выявлением империалистических тенденций в финансовой сфере со стороны этих государств. Осуществление этого проекта поставило бы в полную зависимость денежную систему всех прочих государств от „хозяев мировых денег и золота“—Англии и Соединенных Штатов. Осуществлению централизации золотых запасов противодействует также то неравномерное распределение золотого фонда, которое установилось к настоящему времени. На ряду со странами, обладающими избыточным покрытием банковской эмиссии, другие страны обладают покрытием в размере между тремя—десятью процентами.

Кроме того, необходимо принять во внимание, что стремление различных государств к накоплению золотых запасов отнюдь не связано только с нуждами покрытия эмиссии, а в значительной мере обусловлено проблемой трансферта (репарационные платежи, межсоюзнические долги).

Этой жажде накоплять золото способствует также наличие напряженной политической атмосферы, царящей в Европе, чреватой всякого рода осложнениями.

Перечисленные факторы достаточны по нашему мнению для объяснения факта наличия острой борьбы между эмиссионными центральными банками различных государств, в частности, резкую стычку между английскими и французскими банками, имевшей место в мае истекшего года на почве выкачки в больших дозах Францией золота из Лондона.¹ Попытку же Касселя обосновать наличие этой борьбы недостатком золота следует признать неудавшейся.

В иную плоскость ставит проблему стабильности мерила ценности Леффельдт, автор, статьи „Регулирование добычи золота“. В противоположность Касселю, Леффельдт усматривает угрозу этой стабильности со стороны перепроизводства золота.

Автор, открыто защищающий интересы золотопромышленников, утверждает, что „усовершенствованный метод пользования золотом в сфере денежного обращения несколько уменьшит расходы, но он не только пагубно отразится на золотопромышленности, но и нарушит устойчивость

¹ См. по этому вопросу ст. Варги в „Экон. Обзор“, № 12 за 1927 г., „Реставрация золота“.

мерила ценности, что отразится на всей системе кредитных отношений" (стр. 20). Предотвращение этой угрозы автор считает возможным путем создания при Лиге Наций „Комиссии по урегулированию добычи золота“, целью которой была бы скупка главнейших предприятий золотопромышленности и золотоносных недр во всем мире, при чем сотрудничество России, по его мнению, весьма желательно.

Леффельдт предвидит, что этой комиссии придется заняться в первую очередь концентрацией добычи золота и сокращением ее размеров. Детально разработанный им проект создания этой комиссии исходит из предпосылки отсутствия противоречий в этой области между интересами больших и малых государств. „Последние, — пишет он, — не будут иметь основания настаивать на специальном представительстве, что сделало бы комиссию неработоспособным и громоздким органом“ (стр. 26). Импералистическая подоплека этого проекта, таким образом, очевидна.

Необходимо отметить, что Леффельдт, в противоположность Касселя, не связывает с достижением стабильности ценности золота возможность разрешения проблемы колебания уровня цен.

В вводной статье рецензируемого сборника „Метаморфозы денежного обращения“ тов. Сокольников делает попытку обобщить изложенные контрверсы. Он полагает, что перспективы, выдвинутые Леффельдтом в отношении перепроизводства золота „содержат больше элементов реальности, чем противоположные прогнозы Касселя. Это вытекает, по мнению тов. Сокольникова, из факта изменения систем денежных обращений большинства стран по сравнению с довоенным временем. „Сфера денежного обращения, — пишет он, — заполнена „бумагой“. Свободная чеканка золотых монет, которая раньше была правилом, является теперь исключением... Сокращение или прекращение новых покупок золота со стороны центральных банков могло бы повести при жестком регулировании бумажно-денежных эмиссий и неурегулированной добыче золота к повышению бумажных денег над их металлическим номиналом“ (стр. 9). По мнению тов. Сокольникова, банки заинтересованы в урегулировании добычи золота, ибо неограниченная добыча золота становится в противоречие с политикой ограничения объема денежного обращения, которую на основе единообразных принципов проводят центральные банки (стр. 9).

К сожалению тов. Сокольников не дает в своей статье марксистского анализа проблемы влияния издержек добычи золота на колебания цен товаров. Он ограничивается лишь чисто количественными сопоставлениями добычи золота, с одной стороны, и потребностей денежного обращения — с другой. Указанной проблемы необходимо было коснуться тем более, что по ней существуют разногласия и в марксистском лагере.¹ Придавая большое значение регулирующей роли эмиссионных банков в восстановлении ценности золота, тов. Сокольникову следовало бы, по нашему мнению, отмежеваться в этом вопросе от концепции Гильфердинга, утверждающего, что благодаря регулирующей деятельности эмиссионных банков последними фиксируется меновое отношение между золотой монетой и товарной массой вне зависимости от изменений в издержках производства золота.

Тов. Сокольников, к сожалению, также не показал, что все эти поиски стабильного мерила ценности буржуазными экономистами в целях устранения колебания уровня цен выражают собой не что иное, как

¹ Дискуссия на страницах Neue Zeit за 1912—13 гг. между Гильфердингом и Варгой, с одной стороны, и Каутским-Бауэром, с другой; см. сборник „Деньги и денежное обращение в освещении марксизма“, изд. Наркомфина.

бессилие капитализма преодолеть раз'едающие его внутренние противоречия и попытку какими-либо техническими усовершенствованиями ослабить их отрицательное влияние.

В общем статья тов. Сокольникова, хотя и подлежит оспариванию в некоторых выводах, однако, весьма ценна, как попытка обосновать закономерность изменений в мировом денежном обращении за послевоенный период.

В связи с трактуемыми в сборнике проблемами тов. Сокольников совершенно правильно констатирует резкое отставание темпа восстановления советской золотопромышленности, достигшее всего лишь 50% довоенных как от темпа других отраслей нашей промышленности, так и от темпа возрастания добычи золота за границей, „между тем как неблагоприятное строение торгового баланса, медленный рост экспорта, громадные требования по импорту со всей силой ставят вопрос об увеличении валютных ресурсов союза более быстрым темпом“.

И. Соф—вич

Л. А. Луцц. Деньги и денежные обязательства. Финансовое издательство, стр. 131.

„Предметом исследования являются деньги, как объект имущественных правоотношений. Закон, связывая с денежным свойством вещи известные юридические последствия, нигде, однако, не дает определения общего понятия денег.“

Конструируя юридическое понятие денег, мы принуждены исходить из экономического понятия о деньгах, как объекте гражданского права. Экономическое понятие денег всегда остается источником восполнения пробелов юридического определения“, — таковы в сжатой формулировке вводные замечания автора о цели и сущности своей работы.

Работа Л. А. Луцца включает три взаимно-связанных части, правовой анализ денег, денежная обязательность и денежной системы. Автор останавливается на истории нашего денежного обращения со времени Октябрьской революции, уделяя внимание, главным образом, денежной реформе 1924 г. и последующей практике. На ряду с теоретическим исследованием в книге Л. А. Луцца представлена критическая оценка нашей современной денежной системы; это обстоятельство придает рецензируемой работе также и практический интерес.

В теоретическом анализе правовой проблемы денег автор стремится элиминировать экономическое содержание частнохозяйственных отношений. Идя по этому пути, автор приходит к выводу, что в специально юридическом смысле денежная единица определяет платежную силу (в пределах определенной денежной системы) и служит основанием исчисления отсроченных платежей (стр. 19); при этом автор отмечает, что в специально юридическом смысле денежная единица лишена не только физических, но и ценностных свойств, поддаваясь определению только юридическо-исторически, путем установления связи с предшествовавшей денежной единицей. Освобождая понятие денег от проблемы ценности, юридическая конструкция дает, в сущности, перечень правовых и фактических признаков законного платежного средства (стр. 27—28).

Основная ошибка, допущенная автором, проникающая всю его работу, в особенности, первые ее части, состоит, нам думается, в том, что задачу отыскания правового содержания денег он обособил от вопроса об экономической их природе. Автор — не марксист, и в вопросах ценности склоняется, повидимому, к психологической концепции. Абстрактно-

правовой конструкции ближе материалистическое понимание ценности, нежели идеалистическая концепция.

Положительное значение рецензируемой работы ограничивается, таким образом, конкретизацией некоторых юридических понятий и определений в проблеме денег; ясно, однако, что строго формальный анализ, обособленный от экономического исследования в самом своем существе таит теоретическую бесплодность.

Более удачно изложение конкретного материала. Исторической характеристике нашего денежного обращения предшествует описание правового содержания денежной системы. Но и здесь автор не удерживается от признания примата правовой формы в денежной системе над ее экономической сущностью. Ошибочность рассуждений автора ярко обнаруживается в критической оценке нашей современной денежной системы. Основными пороками нашего денежного законодательства, искажающими экономическую природу денежной системы, являются отсутствие формальной связи покупательной способности государственных казначейских билетов, выраженной в золотом рубле, с паритетом, установленным законом 5/II 1924 г., и придание законодателем червонцу свойства монеты, а не главного денежного знака (стр. 78—79). В виду этих обстоятельств и вытекающих из них юридических последствий автор не может согласиться с тем, что с правовой точки зрения наша денежная система формально основана на золотом довоенном рубле. Вместе с тем, в экономическом анализе автор примыкает к тем исследователям, которые признают действующую денежную систему Goldkernwährung с тем отличием от обычных черт, что в наших условиях приобретают большое значение мероприятия государственного регулирования.

В главах, посвященных исследованию денежных обязательств, автор сосредоточивает внимание на конкретно-правовом вопросе — влиянии на денежные обязательства изменений в покупательной силе денежных знаков — вопросе, в котором выделяется частно-правовое содержание (стр. 89—90). К исследованию этого вопроса автор привлекает удачно подобранный материал законодательной и судебной практики иностранной и нашей. Представив содержательную характеристику юридического опыта, автор обходит принципиальный анализ проблемы и ряд связанных с этим вопросов.

Преобладание формального анализа и теоретическая его немощь в разрешении принципиальных проблем сводят практическую полезность рецензируемой работы к формулировке некоторых основных юридических категорий, критике правовых и фактических особенностей нашей денежной системы и описанию законодательной и судебной практики в денежных обязательствах.

А. М. Гольденберг

Терский округ. Очерки по истории, экономике и советскому строительству округа. Часть I. Сборник под общ. ред. М. Минеева и И. Викторова, 586 стр. Часть II. Сборник под общ. ред. И. Викторова 252 + 65 стр. Изд. Терского окр. Исполкома, Пятигорск, 1927.

Как указывается в предисловии, главной целью сборника было „ответить на запросы работников государственных и общественных учреждений, выполняющих административные, хозяйственные или социально-культурные функции“. Особо настоятельная необходимость в таком сборнике для Терского округа аргументируется в предисловии тем обстоятельством, что округ составил из частей трех территориальных единиц старого деления (Ставропольской губ. и областей Терской и Кубанской) и потому старые материалы оказались недоступными для окружных учреждений,

которые „просто лишены были возможности не только искать аналогии для своей деятельности в прошлом, но и получить ту или иную необходимую в практической работе справку“. Однако, „на ряду с материалами, характеризующими округ с точки зрения его дореволюционного периода“ Плановая комиссия сочла нужным „дать основное место и сведениям, относящимся к революционному периоду, к периоду советского строительства“.

В качестве побочной задачи сборник мог бы, по мнению его составителей, „оказать посильную помощь нашим школьным работникам“ и „до некоторой степени выполнить роль экономической географии Терского округа“.

Сборник содержит в себе следующие разделы: I. Естественно-исторический очерк со включением административного деления и населения — 79 стр. II. Сельское хозяйство по отдельным отраслям (174 стр.). III. Соц.-культурное строительство (народное просвещение, здравоохранение, курорты, соц. обеспечение, труд и соц. страхование, нар. связь (170 стр.)). IV. Промышленность (152 стр.). V. Финансы (кредит, налоги, местный бюджет) 120 стр. VI. Торговля (113 стр.). VII. Коммунальное хозяйство (11 стр.). VIII. Дорожное дело (6 стр.). Кроме того, в приложении дана статья Мартынова „К характеристике социальной дифференциации деревни на Тереке“ (65 стр.).

Уже из этого перечня видна явная неравномерность структуры сборника; на последние разделы „коммунальное хозяйство“ и „дорожное дело“, очевидно, уже нехватило места, зато все остальные имеющиеся в сборнике разделы страдают ярко выраженной „водянкой“.

Одной из причин этой „водянки“ является уже отмеченное в вышеприведенных цитатах выделение в „самостоятельную единицу“ довоенных сведений. Вместо того, чтобы ограничиться попутными сопоставлениями или кратким генезисом соответствующих сторон хозяйства и управления, что было бы, конечно, существенно, в сборнике довоенное состояние часто выделяется особо во всех подробностях, сплошь и рядом никому и ни для чего уже не нужных. Так, например, в разделе о кредите дается два особых параграфа, размером в печатный лист, посвященных состоянию кредитных учреждений накануне и в начале империалистической войны, при чем в этих параграфах имеется не только полный перечень единиц банковской сети и сети учреждений мелкого кредита, но и балансы каждого из них порознь и всех вместе.¹

Следующей причиной разбухания книги послужило включение в сборник всякого рода „общих мест“, относящихся не к Терскому округу специально, а или ко всему краю, или даже вообще ко „всей вселенной“ в рамках определенной общественной структуры. Для примера можно указать рассуждения о значении кредита (ч. II, стр. 3 и 4).

Самой же главной причиной излишней об'емности сборника является отсутствие сколько-нибудь достаточной обработки материала. Сюда относится, прежде всего, масса громоздких таблиц,² из которых часть можно было бы просто выбросить, часть (с пространственным делением) можно было бы положить на карту, еще часть (с повременным делением) сократить и упростить. В результате такой обработки можно было бы без особо большого труда сократить об'ем сборника вдвое, одновременно вдвое же повысив его „читабельность“.

¹ Аналогичные излишества имеются и в отделе по народному просвещению (стр. 259—270) и в разделе по торговле.

² Например, таблица издержек производства по отдельным предприятиям за 1923—1927 гг. (ч. I, 514—523 стр.), сводный баланс промышленности (ч. I, стр. 538—551).

Составители же предпочли переложить этот труд на читателя, ограничивая свою функцию в большинстве случаев перепечаткой „ведомости“ в том виде, в каком они имелись в разного рода „делах“. В этом сыром характере большей части статей и заключается основной порок сборника. С успехом могли бы быть опубликованы также и вставки типа „политической декламации“, которые к тому же в ряде случаев и почему-то именно по разделу народного просвещения представляют собою такие сгустки всяческой безграмотности, которых и нарочно нельзя было бы придумать.¹

Отметив, что есть — по нашему мнению — лишнего в рецензируемом сборнике, посмотрим теперь, чего в нем нехватает.

Нехватает, прежде всего, самих оснований районирования, т. е. обоснования границ округа. Наши округа, как и целые экономические области, не падают с неба в готовом виде и не создаются „исторически“ стихийным путем, а являются продуктом сознательной, плановой работы. От издания Окружной плановой комиссии читатель имеет полное право ожидать изложения всех тех оснований, которые привели к выделению описываемого округа в данных его границах.

В связи с обоснованием границ необходимо было бы дать и общую экономико-географическую характеристику округа на фоне его природных условий, географического окружения и исторического прошлого. Эта характеристика обязательно должна была бы выявить лицо округа по отношению к общему фону всего Северо-Кавказского края в целом и сравнительно с другими особенно соседними округами.

Попутно было бы чрезвычайно интересно узнать о результатах районирования как для общего состояния хозяйства и управления в округе, так, в частности, и для окружной промышленности, окружных финансов и т. д. В виду приближающихся работ по районированию этот вопрос имеет актуальное значение в общесоюзном масштабе.

Следующим пробелом в сборнике является отсутствие в нем раздела о его внутреннем экономическом районировании². Работникам плановых органов на местах, как и в центре, должна быть совершенно ясна та мысль, что „районирование есть особый метод познания территории“, между тем в сборнике Терской плановой комиссии этим принципом и не пахнет; к новым территориальным единицам — самому округу и его районам — у них подход совершенно тот же, какой мог бы быть и к единицам старого административного деления. Отсутствие районной точки зрения сказывается и на слабости естественно-исторического очерка, ограничивающегося справками по отдельным физико-географическим элементам и не дающего синтетических ландшафтов.

¹ Вот, например, надпись на таблице по политпросвещению: „Эта отрасль народного просвещения вовсе не имеет аналогии в дореволюционном прошлом, но сказать, чтобы царско-буржуазное правительство вовсе не заботилось о политическом воспитании масс в духе „любви к богу, царю и отечеству“, конечно, нельзя. Заботилось оно об этом, и очень, но средствами к тому служили ему: весь аппарат госвласти, вся буржуазно-монархическая пресса, церковь и т. д., разумеется, наше политпросвещение ничего общего со всем этим не имеет ни по форме, ни по существу“ (стр. 284—285, часть I). А вот и еще любопытнее: „Отмечаемое явление (неравномерность развития школ, а следовательно, и неравные возможности развития подрастающего поколения) объясняется в значительной мере логикой пережитого восстановительного периода, когда развитие учебных заведений шло на старой, унаследованной от дореволюционного прошлого материальной базе — при новом, конечно, содержании учебы; неравномерность же развития в царско-буржуазном прошлом, как мы знаем по Ленину, безусловный закон капитализма“ (стр. 277).

² В отделе о сельском хозяйстве есть, правда, один параграф (стр. 109—110, ч. I), посвященный с.-х. районам, но за исключением пары табличек (стр. 109 и 111), остальное изложение сельского хозяйства проходит мимо этих районов. Имеется еще схема торговых районов (стр. 224—233, ч. II) в разделе торговли, но эти торговые районы совсем отличны от районов сельскохозяйственных и никак с ними не увязаны.

Принципиальным пробелом в структуре сборника является также отсутствие особого раздела, посвященного хозяйственным перспективам округа.

Приложенные к сборнику карты: климатическая, почвенная и административная, явно недостаточны. Совершенно необходимо было бы дать карту с рельефом, который в Терском округе достаточно сильно выражен и оказывает сильнейшее влияние на внутренние различия и в природе и в хозяйстве; затем очень желательно было бы иметь и общезкономическую карту или хотя бы отдельно сельскохозяйственную и промышленную. Для познания округа это дало бы опять-таки гораздо больше голых таблиц.

При всех этих недостатках, в сильнейшей степени понижающих его значение, сборник все же дает ряд весьма ценных материалов для познания экономики округа. Сюда надо отнести, прежде всего, почвенную карту с соответствующей частью текста (А. Н. Багдасарова и Н. С. Шелухина), затем очерк о заселении территории округа с рядом очень интересных таблиц (М. Д. Сивоконя), затем весь раздел о торговле, дающий и исчерпывающие таблицы по характеристике грузопотоков и упомянутую уже выше схему торговых районов (М. Д. Сивоконя) и наконец, статью о социальной дифференциации (М. Мартинова). Поокружные сборники, подобные настоящему, издаются сейчас в связи с районированием во многих местах плановыми или статистическими органами. Следует зорко следить за качеством той продукции, от которой зависит уровень нашего экономического самопознания.

Н. Баранский

Северо-Кавказский край, ежемесячный журнал Сев-Кавк. краевой плановой комиссии, 1927 г., № № 7—12.

Содержание статей рецензируемых номеров можно разделить на две части: первую, подводящую итоги к десятилетию Октября, и вторую, рисующую ближайшие хозяйственные перспективы края.

Состояние экономики Северо-Кавказского края к десятилетию Октябрьской революции не может, однако, отождествляться с итогами десятилетней советской экономической работы, так как Северо-Кавказский край принадлежит к числу тех районов СССР, в которых советская власть упрочилась года на три позднее, чем в центральной части РСФСР. И, тем не менее, результаты советско-экономического строительства ко дню десятилетия Октябрьской революции оказались значительными, если еще принять во внимание, что Северо-Кавказский край подвергся глубокому потрясению и разорению, как одна из арен ожесточеннейших боев гражданской войны.

Помещенная в № 10 журнала статья П. Журида „Северо-Кавказский край к десятой годовщине Октября“ дает обзор экономики края ко дню юбилея.

Посевная площадь 1926/27 г., выразившаяся в 10,4 млн. га достигла 90% площади 1913 г., тогда как еще в 1922 году она составляла лишь 54,5% довоенной площади. Восстановление животноводства достигло меньших результатов, выразившись лишь в 73,4% стада 1913 г. Это объясняется большим падением, которое испытало животноводство края по сравнению с полеводством.

Реконструктивные моменты в сельском хозяйстве сказались в повышении по сравнению с довоенным удельного веса рыночных культур (цифр, к сожалению, автор не приводит), удельного веса озимого клина

с 31,4% до 41,4% и максимально засухоустойчивых пропашных культур в яровом клину с 7,8% в 1913 г. до 16,9% в 1927 г. Обогнали довоенную площадь и технические культуры — табак, лен, конопля, кенаф, лекарственные травы и т. п. В более детальном виде те же реконструктивные моменты в сельском хозяйстве отмечает и статья П. „Реконструктивные изменения в системе сельского хозяйства края“ в № 11—12.

Валовая продукция ценовой промышленности еще в 1925/26 г. превысила довоенный уровень на 33,6%, выразившись в 415,7 млн. руб., а в 1926/27 г. превысила довоенную выработку на 61,8%, достигнув суммы в 503,4 млн. руб. Производство средств производства по сравнению с производством средств потребления поднялось в своем удельном весе за последние два года с 35,6% до 42,7%. Рабочая сила, занятая в промышленности, с 72,3 тыс. в 1913 г. выросла до 80,1 тыс. в 1927 г.

Несмотря на свое исключительное сельскохозяйственное значение, край развивается под знаком индустриализации. С 1924/25 по 1926/27 гг. удельный вес промышленной продукции в общей массе продукции промышленности и сельского хозяйства поднялся с 41,6% до 48,3%, тогда как по сельскому хозяйству мы имеем снижение с 58,4% до 51,7%. Грузооборот краевого железнодорожного транспорта достиг в 1926/27 г. 19,6 млн. тонн, обогнав довоенный, что, однако, достигнуто было сильнейшим перенапряжением транспорта, вызывающим необходимость серьезного внимания к дальнейшим в него капитальным вложениям.

Доходная часть госбюджета повысилась с 91 млн. руб. в 1924/25 г. до 188,9 млн. руб. в 1926/27 г., а местного бюджета — с 66,7 млн. руб. до 110,9 млн. руб., при чем следует отметить тот отрицательный факт, что удельный вес налоговых доходов все время повышался за счет неналоговых. Расходная часть госбюджета за то же время выросла с 54 млн. руб. до 111,6 млн. руб., а местного — с 65,7 млн. руб. до 106,6 млн. руб., при чем удельный вес финансирования народного хозяйства за те же годы повысился с 22,6% до 32,4%.

Реконструкция народного хозяйства края выражается, в частности, в капитальных вложениях за истекшие годы, размер которых достиг 407 млн. руб. Из них 43 млн. руб. были затрачены на рационализацию сельского хозяйства, а именно на землеустройство, реорганизацию крестьянского хозяйства в засушливых районах края, мелиорацию и т. д. При этом проведены Аргун-Гойтинский канал в 14 км, Акбашский и Малокабардинский в 60 км, Сухопадинский в 15 км. Восстановлен Эрстовский канал и переустроен Куро-Марьинский. Осушено 16,6 тыс. га кубанских, адыгейских и тапсугских плавней. Таких затрат и такого их направления дореволюционный Северный Кавказ со стороны государства не знал и знать, конечно, не мог.

Капитальные вложения в промышленность, достигшие 214,5 млн. руб. за последние три года, характеризуются началом сооружения колоссального нефтепровода Грозный — Туапсе с двумя нефтеперегонными заводами, начатой постройкой крупнейшего завода сельскохозяйственного машиностроения в Ростове, восстановлением металлургического Сулинского завода, постройкой Таганрогской фабрики технических ремней, маслоэкстракционного завода и бэконной фабрики в Армавире, целой сети сыроваренных и маслодельных заводов, механической фабрики обуви, крупного хлебного завода в Ростове и галетной фабрики в совхозе „Хуторок“ и проч. Приступлено к постройке тепловой электростанции на руднике „Артем“ в Новороссийске, в Краснодаре и гидроэлектростанции на Гизел-Доне вблизи Владикавказа. Построены новые железнодорожные линии Дарг-Кох-Алагир, Невинномысская-Баталпашинск, Туапсе-Адлер, Петровское-Благодарное, переустроены порты Новороссийский, Туапсин-

ский, Ростовский и Темрюкский. Закончены все изыскательные и проектные работы по соединению Волги с Доном.

Процессы обобществления характеризуются повышением удельного веса социалистического сектора в продукции ценовой промышленности с 93,6% в 1924/25 г. до 98,4% в 1926/27 г. Еще больше упала роль частного в оптовом посредническом обороте, снизившись с 13,4% до 2,3%. Значительно высок еще процент частной торговли в рознице, выражаясь в 1927 г. в 39,6%, хотя и он упал с 48,6% в 1924/25 г.

Интересная статья П. Журида страдает, однако, некоторыми недостатками. Юбилейные итоги в любой отрасли нашего социалистического строительства должны привлекать общественное внимание не только своими достижениями, но обнаружившимися дефектами, — ошибками, неразрешенными проблемами, предстоящими трудностями и методами их преодоления и т. д. Этому автор, к сожалению, уделил небольшое место. Между тем, другие статьи рецензируемых номеров журнала свидетельствуют о серьезных теневых сторонах состояния краевой экономики.

С другой стороны, автор мало внимания уделял моментам обобществления, как, например, состоянию социалистических элементов в сельском хозяйстве, роли обобществленного сектора в мелкой промышленности края, продукция которой составляет 35% всей промышленной продукции (см. „Контрольные цифры народного хозяйства Северо-Кавказского края на 1926/27 г.“, стр. 5 Приложений).

Не отвечает на этот последний вопрос и статья Г. Демченко „Мелкая и кустарная промышленность Северного Кавказа“ (№ 10), отмечающая лишь один, да и то не главный, признак в виде числа занятых лиц в различных социальных секторах мелкой промышленности.

Некоторым дополнением к статье П. Журида в отношении сельского хозяйства служат статьи И. Михайлова „Итоги колхозного строительства“ и Клювина „Совхозы Северо-Кавказского края“ в том же номере журнала.

Численный рост колхозов весьма внушителен. Уже на 1 октября 1926 г. он выразался в 2.651 хозяйствах, что составляло более 11% всех колхозов по СССР, а на 1 октября 1927 г. имеется уже более 3.000 колхозов, не считая машинных товариществ. В колхозы организована преимущественно деревенская беднота. До 40% членов колхозов составляют красные партизаны и красноармейцы.

Основным типом колхозов являются товарищества по общественной обработке земли. На ряду с несомненными достоинствами колхозов в виде интенсивности труда, в два раза превышающей среднюю по краю интенсивность, большей урожайности, высокой степени их механизации (на 5.000 тракторов в крае — 2.000 приходится на колхозы), нельзя не отметить существенных недостатков состояния колхозов, заключающихся в их мельчании, недостаточном землеустройстве, эксплуатации лишь тех индустриальных предприятий, которые были переданы им государством, в слабом развитии переработки транспортабельной продукции и почти полном отсутствии в них агропомощи.

Что касается совхозов, то в положении их хотя и отмечаются известные достижения, но пока еще незначительные, что объясняется, с одной стороны, неумелым ведением дела в совхозах до 1924 г., когда они были объединены в Севкавказсельтрест, а с другой — недостатком средств. В настоящее время 13 совхозов обрабатывают площадь в 141 тыс. га, повышая с каждым годом свою урожайность, уже превосходящую среднюю по краю, механизировав свое производство (сейчас уже на 48%) и развивая снабжение населения высокосортными семенами и племенным скотом. В 1926 г. трест после ряда дефицитных лет дал чистой прибыли 30 тыс. руб.

Статья Авакимова „Развитие внешней торговли Северо-Кавказского края“ (№ 9) дает некоторые интересные сведения о внешней торговле как с количественной, так и с качественной стороны. Удельный вес края в экспорте Союза поднялся с 14,2% до 15,1%, а в импорте с 1,9% до 3,3%. Хлебофураж и нефтепродукты составляют 90% всех экспортных товаров. Автор совершенно правильно предлагает обратить усиленное внимание на развитие тех видов экспорта, которые не будут ставить его в зависимость от урожая, а именно — животноводства, звероловства, лесоводства, некоторых технических культур и лекарственного сырья.

Из прочих статей, освещающих отдельные экономические вопросы, заслуживают внимания статьи Н. Солодковского „Снабжение краевой промышленности сельскохозяйственным сырьем“ и А. Ф. „К вопросу о текучести рабочего состава в северо-кавказской промышленности“ (№ 7—8). Первая из них останавливается на совершенно неблагоприятном состоянии сырьевой базы краевой промышленности, несмотря на неисчерпаемые запасы края.

Вторая статья исследует отзывающуюся на производительности труда текучесть рабочего состава промышленных предприятий, четверть которого ежегодно сменяется.

Из второй группы статей рецензируемых номеров журнала, освещающих ближайшие перспективы экономики края, следует указать, прежде всего, статью П. Анисимова и А. Фомина в № 7—8 „Предварительные контрольные цифры промышленности Северо-Кавказского края“.

Контрольные цифры на 1927/28 г. намечают рост валовой продукции на 30,4% по сравнению с 1926/27 г., что выразится в 277,9 млн. руб., при чем наибольшее место занимает пищевкусовая, кожевенная и металлообрабатывающая отрасли промышленности. Снабжение сырьем маслобойной, кожевенной и металлообрабатывающей промышленности вызывает опасения и заставляет прибегнуть к частичному импорту как сырья, так и вспомогательных материалов. Число рабочих вырастет на 8%, выразившись в 38 тыс. чел., что, однако, не разрешит острой в крае проблемы безработицы. Наоборот, ожидается в ближайшие 3—4 года увеличение безработицы, питающейся сокращенными (74%), подрастающими рабочими (10%), выбрасываемыми в город аграрным перенаселением (9%) и демобилизованными (5%).

Остро и неутешительно стоит вопрос с рабочим жилищным строительством, план которого предусматривает удовлетворение жилищной площадью лишь 25% вновь поступающих рабочих.

В соответствии с задачами индустриализации капитальное строительство намечено преимущественно в отраслях, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье — крахмало-паточной, поташно-мыловаренной, сахарной, а также в деревообделочной и лесохимической. Сбыт продукции должен превысить прошлогодний на 25,4%, составив сумму в 242,9 млн. руб. Рост цен на сырье и топливо, увеличение жел.-дор. тарифов и акциза, вызвавшие повышение себестоимости в 1925/26 г., сказываются еще и сейчас. И в 1927/28 г. снижение намечено лишь в некоторых отраслях и не выше 3%.

Авторы назвали свою работу „предварительными“ контрольными цифрами. Хотелось бы думать, что только этим объясняется ряд серьезных пробелов в статье, прошедшей мимо таких моментов, как методология составления контрольных цифр, рост обобщественного сектора, разделение на ценовую и мелкую промышленность, соотношение между производством средств производства и средств потребления, моменты реконструкции и т. д.

Интересна статья Еремина „Основные пути плановой работы по сельскому хозяйству края на 1927/28 г.“ (№ 10). План 1927/28 г. ставит себе три конкретные задачи: 1) увеличение производительности и товарности сельского хозяйства, 2) реконструкция и рационализация сельского хозяйства, 3) развитие начал обобществления.

Довольно грустную картину состояния финансов края, требующих самого серьезного внимания и энергичных мероприятий, рисует статья проф. Алексеева в № 10 „Перспективы развития финансов края в 1927/28 г.“.

Доходы на 1927/28 г. превышают доходы 1926/27 г. лишь на 6,1%, тогда как расходы превышают прошлогодние на 21%. Рост государственных доходов идет почти исключительно за счет займов. Понижается удельный вес средств населения в строительстве края — школьном, больничном, дорожном.

Единственным отрадным фактом является увеличение доли расходной части бюджета, идущей на финансирование народного хозяйства, за счет расходов административных.

Вдумчиво изучающий свою экономику, „Сев.-Кав. край“, являющийся, несомненно, одним из лучших местных экономических органов, должен, однако, устранив излишний оптимизм некоторых своих статей, уделить максимум внимания моментам не только констатирования, но и преодоления возникающих хозяйственных трудностей, вдохновляя и направляя творческую мысль и энергию своих сотрудников. С другой стороны, необходимо усилить изучение социальных процессов, происходящих в хозяйстве края, нашедших, несмотря на свою первостепенную важность, пока еще малое отражение в журнале.

И. Лерман

Перспективы развития сельского хозяйства Иваново-Вознесенской губернии и план мероприятий по сельскому хозяйству на пятилетие 1926—1930 гг. Вып. 2, ч. III, под ред. А. Ф. Киселева, изд. Иваново-Вознесенского Губземуправления, 1927 г., стр. 211. Приложения: 1) таблицы; 2) статья С. С. Герхен „Примерные севообороты для разных направлений сельского хозяйства Иваново-Вознесенской губ.“. I—XXV. Цена 2 руб.

В свое время (см. „План. Хоз.“ за 1927 г., № 3, стр. 318) мы отмечали изданный Иваново-Вознесенским Губземуправлением „Перспективный план развития сельского хозяйства Иваново-Вознесенской губ. на пятилетие 1926—1930 гг.“ — первый его выпуск, появившийся в 1926 г. В конце 1927 г. вышел второй выпуск этого плана, в котором с достаточной подробностью рассмотрены мероприятия по отделу сельского хозяйства на планируемое пятилетие. В этом, вероятно, не последнем выпуске материалов по пятилетке (см. предисловие к книге), кроме общей главы, включающей характеристику экономических мероприятий, имеется ряд глав, организационно между собой неувязанных. Сюда следует отнести: главу вторую — о сельскохозяйственной кооперации (ее состоянии и ближайших перспективах), следующую за ней главу третью, в которой рассказано о принципах построения, перспективах развития агрономической сети в Иваново-Вознесенской губ. Затем идет ряд глав, объединенных общим заглавием: мероприятия по отдельным отраслям сельского хозяйства. В этом разделе мы встречаемся и с главой о земледелии, полеводстве губернии и с частью, посвященной работе по борьбе с вредителями поля, сада и огорода, вопросу организации естественной кормовой площади. Последние страницы этой части плана рассказывают о животноводстве в целом (коневодство, крупный рогатый скот). В самом конце книги приложены таблицы, характеризующие состояние и перспективы развертывания сельскохозяйственного кредита, агрономической сети

(с построением штатных контингентов и примерным оборудованием агрономического кабинета). Тут же — в табличной форме — дан расчет нормального развертывания семеноводства в Иваново-Вознесенской губ. и общая „перспективная“ смета на пятилетие 1926—31 гг. Для большей углубленности в вопросе о реорганизации полеводства дана статья С. С. Герхен о примерных (но необразцовых, т.е. не служащих образцами для губернии) севооборотах.

Слабые места этого нового выпуска Иваново-Вознесенского Губземуправления очевидны — их не скрывают и сами составители плана. Прежде всего, они в том, что в этой основной (по значению своему) части плана отсутствуют: план организации земельной территории (он еще не готов), план снабжения (насыщения) губернии мертвым с.-х. инвентарем. Отсутствует анализ сельскохозяйственного опытного дела и его перспектив.

В существенной части этого выпуска, т.е. в разделе о мероприятиях по отдельным отраслям сельского хозяйства (стр. 68—211), замечен специализированный подход: мы имеем пред собой как бы серию развернутых специалистами планов с.-х. отраслей, без общей концепции. Эти части построены по определенному шаблону. Сначала дается статика, т.е. дается представление о состоянии данной отрасли сельского хозяйства в духе агрономического отчета и анализа, затем приводятся сами мероприятия с финансовым обоснованием плана их реализации, т.е. так, как это обычно делается при агрономическом проектировании. Нельзя при этом не отметить и того, что почти все специалисты мотивируют, и довольно веско, необходимость проведения мероприятий, целесообразность которых не играет сколько-нибудь существенной роли. Так, на стр. 186 доказывается полезность устройства конских выставок и испытаний (184), далее (стр. 204) говорится о полезности лекций показательного кормления и т. д. Нужно ли это в перспективном плане?

Тут же приходится отметить и перегруженность деталями, которые стесняют как будто и авторов (стр. 178, 98—112, где приводится длинный, в 12 номерах, перечень технических мероприятий по полеводству со скрупулезными подсчетами обеспечения агрономического персонала раз'ездными средствами и т. п.).

На стр. 21 автор уверяет читателя (см. подстрочное примечание к странице), что конкретизации в перспективном плане не требуется. Однако, как раз на протяжении всего текста книги мы имеем обратное: правильно взятый курс на конкретное, строго локализованное, правда, с некоторой перегруженностью деталями, даже излишествами в этом направлении.

Для Иваново-Вознесенской губ., в которой, кроме молочного и картофельного уклона, имеется и льняной, крайне заманчивой в постановке и интересной в разрешении должна быть проблема механизации льнообработки. Трактую этот вопрос, автор так и оставляет неразработанным вопрос о том, в какой мере намечающаяся интенсификация сельского хозяйства поглотит излишки рабочей силы, освобождающейся при введении процессов механизации обработки льна. В связи с этим следовало бы осветить и вопрос об индустриализации сельского хозяйства.

Интересно „подана“ глава о сельскохозяйственной кооперации и сельскохозяйственном кредите, но в первой нужно было несколько остановиться на темпе роста сельскохозяйственной кооперации в губернии (стр. 46), а потребность губернии в сельскохозяйственном кредите в предстоящее пятилетие (стр. 40 и табл. 1 в приложениях) необходимо было чем-нибудь обосновать.

Основной недостаток книги заключается в том, что сельское хозяйство не представлено, как часть единого народнохозяйственного комплекса хотя бы в пределах Иваново-Вознесенской губернии, а без этого материал теряет ценность для перспективного планирования.

Если же рассматривать книгу без ее основной, плановой, установки, то за ней следует признать ряд достоинств. Имеется углубленная и конкретная проработка вопросов, которую дают почти все авторы плана. В книге дан большой, хорошо подработанный цифровой материал. Для работника деревни Иваново-Вознесенской губернии и для губернских администраторов-хозяйственников эти цифры и построения могут послужить подспорьем в работе.

М. Лучебуль

Проф. М. В. Довнар-Запольский. Народное хозяйство Белоруссии (1861—1914 гг.). Изд. в гор. Минске, тираж 2.000 экз., стр. 238.

В своей книге проф. М. В. Довнар-Запольский делает „попытку впервые изучить экономику довоенной Белоруссии“ в том территориальном составе, „в каком большинство ученых рассматривали этот район в довоенное время“. В состав территории довоенной Белоруссии автор включает шесть губерний: Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую и Смоленскую. Так как этот район в довоенное время не имел земской статистики и „не имел специальных обследований“, то естественно, что поставленная автором задача изучить экономику Белоруссии наталкивалась на большие препятствия в отношении наличия необходимых статистических материалов.

Уже самая задача дать картину развития народного хозяйства Белоруссии, т.е. сравнительно небольшого района, занимавшего незначительное место по своему экономическому значению в народном хозяйстве России, неизбежно обуславливает преобладание в книге конкретной экономики в ущерб теоретической. Во-вторых, территориальный состав Белоруссии взят несколько искусственным, так как он мало связан с современной Белоруссией, поскольку Смоленская и Брянская губ. выделены в Западный район, Виленская же и Гродненская губернии уже не входят в состав нашей страны. В-третьих, ограничение периода развития народного хозяйства края только довоенным периодом создает значительный разрыв между современным и довоенным хозяйством и мало связывает оба периода развития народного хозяйства этого края. При этих условиях трудно проследить как народное хозяйство края через кризис 1917—21 гг. вступило в восстановительный и реконструктивный период своего развития. Для этого требуется иметь особое исследование о довоенном и революционном периоде. Все эти обстоятельства в значительной степени лишают книгу того актуального интереса, какой она должна была бы вызвать по своему широкому охвату народного хозяйства края за длительный период.

Однако, книга заслуживает внимания при целевых построениях в перспективном планировании народного хозяйства Западного района.

По общему характеру охваченный автором период разбивается условно на три части: 1) эпоха 60—80-х годов. Это эпоха „полного бытования остатков крепостного права в условиях падающего помещичьего хозяйства“ и первых попыток самостоятельного ведения крестьянами своего хозяйства; 2) эпоха 80—900-х годов — переходная эпоха „первых сдвигов в недрах полуфеодального хозяйства“ и 3) эпоха с 900-х годов до начала мировой войны — это эпоха „убыстренной капитализации сельского хозяйства, борьбы с остатками средневековья“.

Первый период характеризуется в сельском хозяйстве его производственным направлением и натуральным характером при примитивной технике. По сравнению с помещичьим хозяйством, лишенным капиталистических форм, крестьянское хозяйство тщательнее использует основные ресурсы продукции. В промышленности господствует ремесленное производство и местная промышленность не имеет значения.

На рубеже 80—90-х годов в крае происходит сдвиг в сторону усиления в деревне роли капитала и его преобразующего действия на хозяйство. В промышленности возникает целый ряд крупных промышленных предприятий.

В третьем периоде усиливается капитализация хозяйства и интенсификация его при усиленном изживании форм мелкого производства и вырастании крупной капиталистической индустрии. На ряду с этим происходит усиленный процесс дифференциации деревни, рост отхожих промыслов и процесс мобилизации земель.

Особенно интересны главы о землевладении. В них дается четкая характеристика тех глубоких экономических процессов, которые происходили в землевладении.

Неуменьше дворянства перевести хозяйство на капиталистический лад, упорное стремление сохранить натуральный его характер, крепостническое отношение с крестьянством,— все это, несмотря на все благоприятствуемые меры правительства, делало помещичье хозяйство убыточным. Вместе с тем, усиливавшаяся торгово-промышленная и сельская буржуазия приобретала все большую и большую экономическую мощь. Поэтому предложение земель на рынке со стороны обедневших дворян, обремененных долгами, встретило оживленный спрос со стороны купечества и богатого крестьянства. Неудивительно, что процесс перехода земель от дворянства к другим слоям населения шел быстро и за 28 лет дал резкое снижение удельного веса дворянского землевладения.

При приближении к нашему времени земля постепенно перекупалась купечеством и зажиточным крестьянством, достаточно обеспеченным рабочим скотом и орудиями производства. Вместе с тем, в среде покупавших крестьян происходят передвижки в сторону усиления многоземельных групп.

Оскудение дворянства, натуральный характер его хозяйства, низкая техника и общее падение его экономического могущества сопровождалось усиленным стремлением правительства поддержать благоприятной кредитной политикой падающее экономическое могущество дворянства и шляхты.

Автор делает, далее, попытку связать исследование о прошлом с современными интересами. В частности, им сделана попытка дать картину расслоения крестьянства. В ряде других глав автор останавливается на структуре и динамике посевов, скотоводстве, лесном хозяйстве, фабрично-заводской промышленности, рынке и дает общую характеристику положения рабочих. Вопросы кредита и бюджета в книжке совершенно не затронуты, если не считать залоговых операций Крестьянского банка в сфере замлевладения.

В общем книга оставляет некоторое впечатление громоздкости. Единство написанного автором труда разбивается наличием большого числа глав, в которых дается подробное конкретное описание ряда отдельных отраслей народного хозяйства, но нет основных контуров народного хозяйства края и развития социально-экономических взаимоотношений. Правда, автор попытался восполнить этот пробел тем, что дал заключение, но оно должно быть признано не совсем удачным.

П. Горшечников

В. А. Гаврилов. География Ленинградской (Северо-Западной) области. Госиздат. М.—Л., 1928, стр. 156 + карта, ц. 1 р. 20 к.

Районирование Северо-Западной области вызвало громадный интерес к ее экономике и природе. Между тем, популярная литература на эту тему крайне скудна. Современных же учебных книг по географии области не имеется вовсе. Рецензируемая книга идет навстречу возникшей потребности и восполняет указанный пробел.

Работа В. А. Гаврилова состоит из трех частей: общего очерка (66 стр.), ландшафтов (63 стр.) и таблиц (23 стр.).

„Общий очерк“ составлен по плану, обычному для географических обзоров. В качестве недостатка здесь следует отметить некоторую непропорциональность отдельных частей. Так, выделяется более подробным изложением „устройство поверхности“. Наоборот, при обзоре отдельных отраслей хозяйства автор весьма широко применяет способ ссылки на последующие обзоры ландшафтов и на таблицы в третьем отделе книги. Так как читатель с ландшафтами еще не познакомился, то по прочтении первой части книги („общего очерка“) он не в состоянии получить вполне законченного представления об области в целом. Это тем более обидно, что отдельные вопросы (особенно сельское хозяйство) изложены очень хорошо.

Вторая часть книги содержит описание наиболее характерных ландшафтов области. Автор сначала описывает Мурманский край и Карелию. Оба этих ландшафта (особенно первый) изложены отлично. Автор очень удачно вскрывает зависимость хозяйства от местных природных условий. Он приводит ряд интересных сведений, при чем на ряду с сухим фактическим изложением им использованы отрывки беллетристического характера. Все это делает описание ландшафтов очень живым, ярким и подчеркивающим характерные моменты. Несколько слабее (но в общем вполне удовлетворительно) дано описание Ленинграда, как ландшафта большого города. По существу этим описание ландшафтов исчерпывается. Далее, правда, идут две с половиной страницы, посвященные Псковской губернии, как земледельческому ландшафту. Но половина всего изложения посвящена доказательству того, что и во Псковской губ. природа влияет на хозяйство. В результате, про Псковскую губ. почти ничего не сказано. Указание автора на то, что для ее характеристики имеется много материала в „общем очерке“ делу, конечно, не помогает. Кроме того, надо ведь войти в положение читателя: каково читать книгу, где пробелы первой части автор предлагает восполнить при чтении второй части, а пробелы второй части — воспоминанием того, что было написано в первой части? Таким образом, из всех ландшафтов, имеющих в области, автор дал описание только трех. Между тем, следовало бы дать, по крайней мере, еще три ландшафта: льноводный (б. Псковская губерния), молочного хозяйства (напр., б. Череповецкую губ.) и, наконец, подгородный. Последнему вопросу, правда, уделены полторы страницы при описании Ленинграда, но это следует признать явно недостаточным.

В третьей части книги приведены 34 таблицы, освещающие различные стороны хозяйства области. Большинство этих таблиц используется в тексте предыдущих частей. Кое-какие из таблиц сопровождаются краткими замечаниями автора.

На ряду с текстом, легким и популярным, и таблицами мы встречаем в книге и богатый иллюстративный материал (29 рисунков и 10 карт и картограмм), который сильно оживляет изложение. Кроме того, в конце книги приложена большая разноцветная карта области. Состав-

влена она в общем удовлетворительно и выполнена достаточно четко. К сожалению, мы здесь находим существенное упущение — небрежно проставленные жел. дороги. Так, вовсе отсутствует жел. дорога Бологое—В. Луки—Полоцк, показана незаконченной Копорская линия и отсутствует ряд мелких веток. Наоборот, показаны еще недействующие и недостроенные линии, как Крестцы—Новгород и южный участок Мга, Рыбинской железной дороги.

Помимо отмеченных недостатков приходится по адресу книги сделать еще ряд дополнительных замечаний. Автор совершенно неосновательно проводит знак равенства между Ленинградской и Северо-Западной областью: Ленинградская область, как административная единица, не включает в свой состав Карелию, которая входила в Северо-Западную область, как экономическую единицу. Между тем, по В. А. Гаврилову, что Ленинградская, что Северо-Западная область — все равно. Этот недостаток тем более существен, что книжка предназначается, прежде всего, как школьный учебник. При этом автор дает следующий совет: „Сперва пройдите ландшафты в том порядке, как они расположены, хорошенько их усвойте и только после этого переходите к изучению общей части“. При наличии такого совета возникает вопрос, почему же В. А. Гаврилов не написал свой учебник по тому плану, который им самим рекомендуется. Наконец, необходимо отметить излишнюю дробность заголовков. Напр., стр. 20—23 состоят сплошь из одних заголовков, что, вряд ли, может быть обосновано какими-нибудь педагогическими аргументами.

В заключение следует выразить сожаление, что в книге и текст и цифровой материал даны в разрезе прежнего губенского деления. Ныне, когда районирование области стало совершившимся фактом, это обстоятельство становится весьма существенным недостатком, в чем, однако, автор повинен лишь отчасти.

При всех отмеченных недостатках работу В. А. Гаврилова следует признать в общем удовлетворительной. Книжка в целом дает достаточное представление о Северо-Западной области, и в этом отношении она может быть рекомендована для желающих получить общее ознакомление с этой областью.

К. Ольгин